Пелам Гренвилл Вудхаус

P. G. Wodehouse

Дживс и феодальная верность
Дживс готовит омлет
На помощь, Дживс!
Держим удар, Дживс!

Пелам Гренвилл Вудхаус

Дживс и феодальная верность. Дживс готовит омлет. На помощь, Дживс! Держим удар, Дживс!

Серия «Библиотека классики (АСТ)»

Серия «Дживс и Вустер»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=158349
Дживс и феодальная верность. Дживс готовит омлет. На помощь, Дживс! Держим удар, Дживс!: АСТ, АСТ Москва;
ISBN 978-5-17-112698-8

Аннотация

Самый известный, самый популярный, самый любимый читателями всего мира вот уже много десятилетий британский юмористический цикл. Цикл, каждое из произведений которого, будь оно романом, повестью или рассказом, – настоящий эталон неподражаемого английского юмора.

Снова и снова непутевый, но обаятельный шалопай-аристократ Берти Вустер попадает в немыслимые передряги, а хитроумный камердинер-эрудит Дживс помогает ему выпутаться из, казалось бы, совершенно безвыходного положения. Ну а мы

снова и снова перечитываем истории их приключений и каждый раз смеемся, будто читаем их впервые!..

Содержание

Дживс и феодальная верность 6
Глава 1 6
Глава 2 19
Глава 3 30
Глава 4 38
Глава 5 53
Глава 6 66
Глава 7 74
Глава 8 83
Конец ознакомительного фрагмента. 89

Пелам Гренвилл Вудхаус
Дживс и феодальная верность. Дживс готовит омлет. На помощь, Дживс! Держим удар, Дживс!

© The Trustees of the Wodehouse Estate, 1954, 1958, 1960, 1962
© Перевод. И.М. Бернштейн, наследники, 2017
© Перевод. А.Н. Круглов, 2017
© Перевод. А.Н. Балясников, 2017
© Перевод. И.В. Шевченко, 2017
© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Дживс и феодальная верность

Глава 1

Если бы я стал утверждать, будто тогда в ванне, задумчиво намыливая пятку и распевая, помнится, лирическую песню «Белые ручки любил я на берегу Салимара»[1], я был в жизнерадостном настроении, этим я бы только ввел в заблуждение читающую публику. Нет, ведь меня ждал вечер, не суливший ничего доброго ни человеку, ни зверю. Тетя Далия[2] прислала мне из своего загородного дома Бринкли-Корт, что в Вустершире, письмо, в котором просила в порядке личного одолжения накормить ужином ее знакомую супружескую чету по фамилии Троттер.

Тетя Далия сама признавала, что они совершенно несносны и уморят меня своим занудством, но их необходимо обаять, так как она в настоящее время ведет сложные деловые переговоры с мужской половиной, и тут пойдет на пользу любая мелочь. «Так что уж, пожалуйста, не подкачай, мой добрый доблестный Берти» – на такой жалостной ноте конча-

---

[1] Популярная песня на стихи Лоренс Хоуп (1865–1904) «Кашмирская невеста». – *Здесь и далее примеч. пер.*

[2] Имена собственные и географические названия в этом сборнике даны в редакции переводчиков. – *Примеч. ред.*

лось ее письмо.

А поскольку тетя Далия – это моя хорошая, достойная тетка (не путать с тетей Агатой, той, что зубами раздирает крыс и пожирает собственное потомство), когда она пишет: «Не подкачай» – я не подкачиваю. Но как я уже признался выше, перспектива вечера с Троттерами мне совсем не улыбалась. Я рассматривал ее как проклятие, павшее на мою голову.

Тем более что прошедшие полмесяца я уже и так прожил в подавленном состоянии из-за отсутствия Дживса, который отбыл на летний отдых. Ежегодно в первых числах июля он прекращает работу, бросает инструмент и отправляется в Богнор-Риджис ловить креветок, а меня оставляет в положении того поэта, про которого мы учили в школе, что он постоянно оставался без своих газелей[3]. Бертрам Вустер без своего неизменного помощника превращается в тень самого себя и совершенно не в силах сладить с какими-то Троттерами.

Об этих Троттерах, кто бы они, черт их побери, ни были, я и размышлял с сердечным сокрушением, уже перейдя от левой пятки к левому локтю, когда из спальни до моего слуха донесся осторожный звук шагов, отчего я сразу встрепенулся, вскинул голову, охваченный дивным волнением, и мыло замерло у меня в кулаке. Раз по моей спальне кто-то осторожно ходит, это может означать лишь одно – если, конечно, исключить внеплановый визит грабителя, – а именно, что из

[3] Намек на строки из поэмы Томаса Мура «Лалла Рук».

отпуска, загорелый и посвежевший, возвратился надежный столп дома сего.

За стеной тихо кашлянули в подтверждение моей правоты, и я в полный голос спросил:

– Это вы, Дживс?

– Да, сэр.

– Вернулись наконец?

– Да, сэр.

– Добро пожаловать в дом номер три «а», Беркли-Меншенс, Лондон, W. один! – провозгласил я, испытывая примерно то же чувство, что и пастух, когда заблудшая овца трусцой возвращается к нему в овчарню. – Хорошо отдохнули?

– Вполне, благодарю вас, сэр.

– Расскажете мне при случае, как вы там проводили время.

– Непременно, сэр, когда вам будет угодно.

– То-то я, наверно, заслушаюсь. А сейчас вы что делаете?

– Вам только что пришло письмо, сэр, я положил его на туалетный стол. Вы сегодня ужинаете дома, сэр?

– Да нет, к несчастью. У меня встреча с четой неизвестных зловонных пузырей, которым покровительствует моя тетя Далия. Так что можете, если хотите, идти к себе в клуб.

Как я уже однажды упоминал в своих мемуарах, Дживс состоит членом очень избранного клуба лакеев и дворецких под названием «Ганимед», расположенного на Керзон-стрит,

и я понимал, что после столь долгого отсутствия ему теперь не терпится рвануть туда, пообщаться с приятелями, возобновить знакомства, ну и так далее. Я, например, побыв вне города неделю, по возвращении первым делом устремляюсь к «Трутням».

– Представляю, какой горячий прием вам окажут одноклубники, споют вам «Хей нонни-нонни» и «Ча-ча-ча», – сказал я. – Вы, кажется, упомянули, что мне пришло письмо?

– Да, сэр. Его только что доставили с посыльным.

– Похоже, что-то важное, а?

– Такое предположение напрашивается, сэр.

– Распечатайте и зачитайте, что там.

– Очень хорошо, сэр.

Последовала полутораминутная заминка, во время которой, поскольку на душе у меня полегчало, я успел исполнить «Выкатывайте бочку», «Я люблю мою красотку» и «Каждый день я приношу тебе фиалки» в порядке перечисления. Наконец сквозь стену просочился голос Дживса:

– Письмо изрядной длины, сэр. Быть может, довольно будет, если я вкратце передам его содержание?

– Валяйте, Дживс. Перехожу на прием.

– Письмо от некоего мистера Перси Горринджа, сэр. Если опустить не идущие к делу подробности, мистер Горриндж желает позаимствовать у вас одну тысячу фунтов, сэр.

Я вздрогнул. Мыло выскользнуло у меня из пальцев и с глухим стуком приземлилось на банном коврике. Это со-

общение без предварительной подготовки мгновенно лишило меня присутствия духа. Не часто случается, что у человека пытаются стрельнуть такую исполинскую сумму: пятерка до будущей среды – вот обычный тариф.

– Как вы сказали, Дживс? Тысячу фунтов? Да кто он такой, этот тип? Я не знаю никаких Горринджей.

– Из текста письма следует, сэр, что вы и этот джентльмен между собой лично не знакомы. Но он является, по его словам, пасынком некоего мистера Л. Дж. Троттера, которого якобы знает миссис Трэверс.

Я кивнул – бесполезно, поскольку Дживсу меня было не видно.

– Да, тут его не опровергнешь, – признал я. – Тетя Далия действительно знакома с Троттером. Это тот самый тип, которому она просила меня засыпать сегодня вечером овса в кормушку. Что верно, то верно. Но отсюда вовсе не следует, что я буду нянчить его пасынка и позволю ему совать лапу в мой бумажник. У нас с Л. Дж. Троттером совсем не такие близкие отношения, когда, как говорится, твой пасынок – мой пасынок. Согласитесь, Дживс, стоит раз дать в долг одному пасынку – и что получится? В кругу близких и дальних родственников разнесется весть, что ты кормилец и поилец, – и все сестры, тетки, племянники и дядья обступят тебя со всех сторон, спеша отхватить свое, да кого-нибудь еще, глядишь, и затопчут в свалке. Тут у нас будет не дом, а сплошное кровопролитие.

– В том, что вы говорите, много правды, сэр, но автор письма хлопочет не столько о ссуде, сколько о вложении капитала. Он предлагает вам вложить деньги в театральную постановку по роману леди Флоренс Крэй «Спинола» в его сценической обработке.

– Ах вот оно что! Понятно. Я начинаю улавливать смысл.

Эта самая Флоренс Крэй приходится… ну да, можно сказать, что она приходится мне чем-то вроде сводной двоюродной, вернее, троюродной или даже четвероюродной сестры. Она дочь лорда Уорплесдона, а старик Уорплесдон недавно, в минуту умственного помрачения, женился на моей тете Агате, en secondes noces[4], так это, если не ошибаюсь, называется. Флоренс – из так называемых интеллектуалов, то есть из тех девиц, у которых черепушка до отказа набита серыми клеточками, в прошлом году она, то ли вдохновленная небесным огнем, но скорее просто чтобы отгородиться от мыслей о моей тете Агате, накатала роман, и он был принят на ура нашей уважаемой интеллигенцией, которая, как всем известно, восторгается разной немыслимой дребеденью.

– Вы читали роман «Спинола»? – спросил я Дживса, изловив мыло.

– Пролистал, сэр.

– Что вы о нем думаете? Не стесняйтесь, Дживс, говорите прямо. На букву «д», так?

– Я бы все-таки не употребил этого слова, на которое вы,

[4] Вторым браком (*фр.*).

сэр, по-видимому, намекаете, но мне он показался произведением не вполне зрелым и слегка, я бы сказал, бесформенным. Лично я в своих предпочтениях склоняюсь больше к Достоевскому и великим русским романистам. Однако сюжет не лишен некоторой занимательности и, вполне возможно, будет небезынтересен для театральной публики.

Я задумался. В памяти у меня что-то забрезжило – но что? Наконец я вспомнил.

– Вот я чего не понимаю, – сказал я. – Мне отчетливо помнится, тетя Далия как-то говорила, что, по словам самой Флоренс, какой-то продюсер уже взялся поставить в театре драматическую обработку ее романа. Помню, я еще сказал: «Вот дурень-то». Но если это так, чего ради Перси так суетится и лезет к людям в карманы? Для чего ему тысяча фунтов? Тут какая-то загадка, Дживс.

– В письме джентльмена она как раз объясняется, сэр. Один из членов синдиката, финансирующего постановку, принявший на себя обязательство именно на эту сумму, оказался неплатежеспособен. В театральном мире, как я понимаю, такие вещи случаются сплошь и рядом.

Я снова погрузился в раздумья, проливая на себя губкой потоки воды. Тут напрашивался еще один вопрос.

– Но почему Флоренс не направила Перси к Чеддеру? Ведь она с Чеддером помолвлена. Казалось бы, к кому и обратиться за подмогой, как не к тому, кто связан с тобою узами любви?

– Возможно, у мистера Чеддера нет свободной тысячи фунтов, сэр.

– Верно. Я, кажется, понял, к чему вы клоните, Дживс. У него нет, а у меня есть?

– Вот именно, сэр.

Положение более или менее разъяснилось. С фактами в руках я мог теперь оценить поступок Перси как вполне разумный. Если тебе надо раздобыть тысячу фунтов, первое условие успеха – обратись к человеку, у которого эта тысяча имеется. А Перси, несомненно, слышал от Флоренс, что у меня денег куры не клюют. Ошибка же его состояла в другом: он вообразил, что я простофиля из простофиль и швыряю крупные суммы направо и налево всем и каждому, как хлебные крошки голубям.

– Вы бы стали финансировать театральную постановку, Дживс?

– Нет, сэр.

– Вот и я тоже не стану. Я отвечу ему решительным отказом, правильно? И денежки мои останутся лежать в старом кованом сундуке, как вы считаете?

– Я бы, безусловно, поддержал такое решение, сэр.

– Так и сделаем. Пошлем Перси подальше. Пусть выкусит. А теперь к более насущному делу. Пока я одеваюсь, не смешаете ли мне бодрящий коктейль?

– Разумеется, сэр. Мартини или мой особый?

– Второй.

Я ответил твердо и без колебаний. Дело было не только в том, что мне предстоял вечер в компании супругов, которых сама тетя Далия, прекрасно разбирающаяся в людях, определила как людей несносных. Мне необходимо было подкрепиться еще и по другой причине.

Последние дни перед возвращением Дживса я все отчетливее понимал, что наша надвигающаяся встреча лицом к лицу потребует от меня всей имеющейся в наличии твердости духа и воли к победе. Если я хочу взять верх, для этого надо пойти на все, не жалея средств.

Известно ведь, как бывает, когда два человека с сильными характерами живут бок о бок в постоянном соприкосновении, – если «соприкосновение» здесь подходящее слово. Возникают разногласия. Борьба воль. Тут и там сыплются и катятся яблоки раздора. И одно такое яблоко, как я отлично понимал, несомненно, выкатится на сцену, как только я покажусь Дживсу на глаза, – тут уж никаких мартини, при всех их бесчисленных достоинствах, не хватит на то, чтобы я мог выдержать предстоящее испытание.

Я не без волнения промокал влагу и облачался в одежды, и когда по прошествии четверти часа вошел в гостиную, не сказать чтобы весь дрожал мелкой дрожью, но определенно ощущал некоторую нервозность. Появился Дживс с бальзамом на подносе, я рванулся к стакану, точно дрессированный тюлень за куском рыбы, и осушил его, даже не пожелав Дживсу, как полагается, болячки на носу.

Эффект был волшебный. Опасливое предчувствие улетучилось, на его место пришло спокойное ощущение силы. Огонь заструился по жилам, и в одно мгновение Вустера – трепетную лань сменил Вустер – железная воля, иначе не скажешь. Что уж Дживс добавляет в эти свои зелья, я не знаю, но боевой дух они укрепляют чрезвычайно. Пробуждают в человеке тигра. Например, был случай, когда, приняв одну только дозу, я, стукнув кулаком по столу, сказал тете Агате, чтобы она перестала молоть вздор, может быть, даже вздор собачий, точно не помню.

– Превосходный напиток, удался вам как нельзя лучше, – похвалил я Дживса. – Жизнь среди креветок не испортила вам руку.

Но Дживс не ответил. Он словно онемел, и я увидел, как и предчувствовал, что взор его направлен в область моей верхней губы. Это был холодный укоризненный взор, каким человек обедающий, но не любящий живности в салате, мог бы посмотреть на обнаруженного в тарелке червяка. Я понял, что борьба воль, к которой я себя готовил, уже подняла свою грозную голову.

В гостиной нет зеркала, но если бы было, я бы увидел в нем сейчас старорежимного барона, собравшегося отчитать обслуживающий персонал, чтобы не лезли не в свое дело. Я сказал учтиво, но твердо – в таких делах учтивая твердость решает все, а я сейчас, спасибо волшебному напитку, был способен на учтивость любой степени твердости:

– Что-то привлекло ваше внимание, Дживс. У меня что, нос в саже?

Он и не подумал оттаять. Бывают мгновения, когда Дживс становится удивительно похож на строгую гувернантку. И сейчас было одно из таких мгновений.

– Нет, сэр, – ответил он, – не нос, а верхняя губа. Вы ее испачкали чем-то вроде индийской похлебки.

Я равнодушно кивнул:

– Ах да, вы, верно, имеете в виду мои усы. Вот, отрастил за время вашего отсутствия. Неплохо выглядят, вы не находите?

– Нет, сэр, не нахожу.

Я увлажнил губы волшебным напитком и любезно переспросил, чувствуя на своей стороне власть и силу:

– Вам что, не нравится?

– Нет, сэр.

– Вы не находите, что они придают мне шику? Чуточку… э-э-э… как бы это выразиться?.. чертовщинки?

– Нет, сэр.

– Вы меня огорчили и разочаровали, Дживс, – чрезвычайно учтиво говорю я, дважды прихлебнув из стакана. – Я бы еще мог вас понять, будь они пышные и с заостренными концами, как у фельдфебеля, – но ведь это лишь изящная полоска растительности, вроде той, что уже много лет завоевывает Дэвиду Нивену[5] восторг миллионов. Вы же не отшатывае-

[5] Дэвид Нивен (1909–1983) – знаменитый киноактер.

тесь в ужасе, когда видите на экране Дэвида Нивена, правда?

– Правда, сэр. Мистеру Нивену усы очень к лицу.

– А мои, значит, мне не к лицу?

– Нет, сэр.

Это было одно из таких мгновений, когда вдруг понимаешь, что единственный способ сохранить самоуважение – это пустить в ход бархатную длань в железной рукавице, вернее, наоборот. Слабость тут смерти подобна.

Ну то есть всему есть пределы, и притом достаточно четкие. Дживс преступил эти пределы на добрую милю с хвостиком. Я первый преклоняюсь перед его авторитетом в таких вопросах, как носки, ботинки, рубашки, шляпы и галстуки, но провалиться мне, если я допущу, чтобы он лез куда не следует и вносил правку в физиономию Бертрама Вустера.

Я допил волшебный бальзам и ровным негромким голосом произнес:

– Весьма сожалею, Дживс. Я надеялся на ваше сочувствие и поддержку, но раз уж вы не способны проявить сочувствие и оказать поддержку, ничего не поделаешь. Однако будь что будет, я не отступлюсь и сохраню статус-кво – ведь это статусы-кво сохраняют, я не ошибся? Вырастить эти усы мне стоило немалых трудов и забот, и я не собираюсь теперь рубить их под корень из-за того только, что некие предубежденные лица (кто именно, уточнять не будем) не могут оценить вещи по достоинству. J'y suis, j'y reste[6], – прибавил я,

[6] «Здесь я нахожусь, здесь и останусь» (*фр.*) – фраза, приписываемая французс-

как заправский парижанин.

После такой блистательной демонстрации силы моего духа Дживсу, естественно, ничего другого не оставалось, как только сказать «Очень хорошо, сэр» или что-нибудь еще в таком духе, но получилось так, что он даже и этого сказать не успел, поскольку едва я договорил, как у входной двери раздался звонок. Дживс удалился, мерцая, и спустя мгновение, не переставая мерцать, возвратился.

– Мистер Чеддер! – объявил он.

Следом, тяжело ступая, ввалился упомянутый Чеддер по прозвищу Сыр, которого я меньше всего ожидал, да, пожалуй, и меньше всего хотел сейчас видеть.

скому маршалу МакМагону при осаде Севастополя в Крымскую войну 1855 г.

Глава 2

Не знаю, как вам, а мне присутствие некоторых людей ужасно действует на нервы: я начинаю бессмысленно хихикать, теребить узел галстука и смущенно переминаться с ноги на ногу. Одним из таких людей раньше был для меня сэр Родерик Глоссоп, знаменитый врач психов, но потом стечение обстоятельств позволило мне проникнуть сквозь отталкивающую наружную оболочку и увидеть лучшую, более нежную сторону его натуры. Другим был Дж. Уошберн Стоукер, имевший привычку, как завзятый пират, похищать людей и затаскивать их на свою яхту, да там еще над ними измываться[7]. А третий – как раз Д'Арси Чеддер по прозвищу Сыр. Поглядите на Бертрама Вустера, когда он остается с ним с глазу на глаз, и Бертрам предстанет перед вами не в самом выгодном свете.

Учитывая, что мы с ним знакомы, как говорится, вот с этаких лет, вместе учились в начальной школе, в Итоне и в Оксфорде, нам бы полагалось быть как Дамон с этим, как его, Пифиасом. Но мы не как они, совсем даже не как они. Я, когда поминаю его в разговоре, называю его «этот чертов Сыр», а он, насколько мне известно из вполне надежных источников, не упускает случая выразить удивление, что я до сих пор на воле, а не в каком-нибудь психиатрическом заве-

[7] Имеется в виду эпизод из романа «Дживс, вы – гений!».

дении. При личной встрече между нами возникает некоторая натянутость и то, что Дживс именует «неполной гармонией душ».

Одна из причин этого, возможно, состоит в том, что Сыр раньше служил полицейским. Он вступил в полицейские ряды сразу по окончании университета в надежде сделать карьеру и занять высокий пост в Скотленд-Ярде, сейчас так поступают многие из общих знакомых. Сыр, правда, очень скоро сложил с себя дубинку и свисток, поскольку его дядя избрал для него другую профессию, – но знаете этих легавых: они, даже сняв мундир, все равно сохраняют полицейскую манеру смотреть на человека с подозрением – мол, где вы были в ночь на пятнадцатое июня? – и всякий раз, как мы с ним где-нибудь пересечемся, он дает мне почувствовать, что я не я, а жалкий обитатель городского дна, задержанный для допроса по делу о недавнем грабеже.

Добавьте к этому, что вышеупомянутый дядя Сыра зарабатывает на жизнь в должности судьи в одном из лондонских полицейских судов, и вам станет ясно, почему я стараюсь его избегать и по возможности обходить стороной. Здравомыслящего человека не привлекает общество бывшего фараона, у которого еще вдобавок в жилах течет судейская кровь.

Так что, когда я поднялся ему навстречу, в моем обхождении можно было бы, присмотревшись, прочесть немой вопрос: чему, мол, обязан честью? Мне и вправду было непонятно, с чего это он надумал нарушать неприкосновен-

ность моего жилища, а нарушив, остался стоять как вкопанный, устремив на меня строгий укоризненный взгляд, словно один мой вид уже оскорбляет его лучшие чувства. Как будто я какой-то подонок, которого он застиг на месте преступления при продаже другому подонку нескольких унций кокаина.

– Хо! – произнес он, и одного этого возгласа было бы достаточно, чтобы доказать присутствующим, если бы они были, что он прослужил какое-то время в полицейских рядах. Первое, чему денежные мешки обучают своих защитников, – это восклицанию «Хо!». – Я так и думал, – продолжал он, насупив брови. – Накачиваешься коктейлями, а?

При обычных обстоятельствах я бы сейчас, конечно, начал нервно хихикать, теребить узел галстука и переминаться с ноги на ногу. Но недаром у меня в желудке еще бурлили две порции Дживсова напитка, оказывая мощное действие: я не только не дрогнул – у меня даже хватило духу одернуть Сыра и поставить его на место.

– Не понимаю вас, милейший, – холодно проговорил я. – Поправьте, если я ошибаюсь, но, по-моему, именно в это время английскому джентльмену, согласно традиции, полагается опрокинуть стаканчик. Хотите присоединиться?

Сыр скривил рот. Эти полицейские, с ними и так общаться неприятно, могли бы хоть рот не кривить.

– Нет, не хочу, – ответил он коротко и нагло. – Я своему здоровью вредить не собираюсь. Думаешь, как эти стаканчи-

ки влияют на глазомер и твердость руки? Может ли человек выбивать дубли, если он глушит себя крепкими напитками? Одно горе.

Тут мне все стало ясно: Сыр волнуется из-за первенства по «Летучим дротикам».

Ежегодные состязания по «Летучим дротикам» – одно из самых значительных спортивных событий у нас в клубе «Трутни». В сердцах сочленов пробуждается спортивный дух, все толпой ломятся в зал и, не скупясь, по десятке покупают билеты, так что в банке собираются колоссальные суммы. На этот раз билет с моим именем вытянул Сыр, а так как прошлогодний чемпион Хорас Пендлбери-Дейвенпорт ни с того ни с сего вдруг взял да женился и по настоянию жены вышел из членов клуба, а вторым в прошлом году был я, мой предстоящий выигрыш на этот раз ни у кого не вызывал сомнений. «Вустер – чистый верняк, – передавалось из уст в уста. – Он бросает, как юный бог».

Поэтому понятно, что Сыр, которому в случае удачи светило отхватить куш в пятьдесят шесть фунтов десять шиллингов, считал теперь своей главной заботой в жизни, чтобы я был в наилучшей спортивной форме. Понятно-то понятно, но от этого мне терпеть его заботу было не легче. С той минуты, как он прочел на своем билете фамилию «Вустер» и узнал, что я фаворит состязаний, он стал обращаться со мной как воспитатель в исправительном заведении для малолетних преступников, которому поручено сле-

дить за самым многообещающим из молодых дарований. Он завел привычку возникать в клубе у моего столика, принюхиваться и устремлять на меня укоризненный взор, сопровождая его свистящим вздохом негодования. И вот теперь то же самое он проделывал у меня в доме. Это похуже, чем снова оказаться ребенком в костюмчике маленького лорда Фаунтлероя и при локончиках, рядом с неотступно бдительной, зоркой няней, не спускающей с тебя ястребиных глаз.

Я уже собрался было высказать ему свое неудовольствие в связи с этими преследованиями, но Сыр продолжил в прежнем наступательном духе.

– Я пришел к тебе, Вустер, для серьезного разговора, – произнес он, свирепо нахмурив брови. – Меня поражает твое легкомысленное и наплевательское отношение к предстоящему турниру. Ты не прилагаешь ни малейших стараний, чтобы обеспечить себе победу, когда придет решающий день. Старая история. Ты слишком самоуверен. Клубные болваны нашептали тебе, что ты непременно выиграешь, ты и рот разинул. Так вот, имей в виду, что напрасно тебе все представляется в таком розовом свете. Я сегодня заезжал в клуб, и там у доски тренировался Фредди Уиджен, да так здорово, что у всех присутствовавших глаза на лоб полезли. Меткость потрясающая.

Я отмахнулся и выше вскинул голову. Можно даже сказать, что я взвился на дыбы. Уж очень больно он ранил мое самолюбие.

– Тю! – презрительно произнес я.

– Что-что?

– Я сказал «Тю!» по адресу Фредди Уиджена. Знаю я, что он собой представляет. Любит покрасоваться, но стабильности никакой. Фредди будет ничтожнее пыли под колесами моей колесницы[8].

– Это по-твоему. Ты слишком самоуверен, как я уже сказал. Фредди очень опасный соперник, можешь мне поверить. Я узнал, что он уже несколько недель соблюдает строгий режим и усиленно тренируется. Бросил курить. По утрам принимает холодные ванны. А ты вот принимал сегодня утром холодную ванну?

– Еще чего. А горячий кран, по-твоему, зачем?

– Делаешь перед завтраком шведскую гимнастику?

– Да никогда в жизни. Я считаю, пусть шведы сами делают свою гимнастику.

– То-то и оно, – горько вздохнул Сыр. – А ты только и знаешь, что шуметь, пьянствовать да объедаться. Мне сказали, что ты вчера был на пирушке у Китекэта Поттера-Перебрайта. Небось притащился домой в четвертом часу, перебудив пьяным гоготом весь квартал.

Я в негодовании вздернул бровь. Полицейское преследование становилось невыносимым.

– Вы что же, констебль, хотите, чтобы я не участвовал в

---

[8] Перифраза строки из стихотворения Лоренс Хоуп «Ничтожнее пыли под колесами твоей колесницы».

проводах моего друга детства, который через день или два отбывает в Голливуд и, возможно, на протяжении многих лет будет отрезан от цивилизации? Китекэт был бы ранен в самое сердце, если бы я манкировал. И час был не четвертый, а всего половина третьего.

– Ты там пил?

– Отхлебнул какой-то пустячный глоточек.

– А курил?

– Выкурил одну пустячную сигару.

– Не верю. Держу пари, – грозно произнес Сыр и еще свирепее нахмурил брови, – что на самом деле ты пал ниже твари полевой, на самом деле ты там вчера буянил, как матрос в марсельской харчевне, а судя по тому, что сейчас у тебя на шее болтается белая бабочка, а брюхо стягивает белый жилет, ты опять намылился ехать на очередную безобразную оргию.

Я беззвучно горестно рассмеялся, как я умею:

– Оргию, как бы не так! Я сегодня угощаю ужином знакомых моей тетки Далии, и она меня строжайше предупредила, чтобы я даже не помышлял о выпивке, потому что мои гости – люди из принципа непьющие, и наполнять пиршественную чашу придется лишь лимонадом, оранжадом или ячменным отваром. Вот и вся твоя безобразная оргия.

Это известие, как я и ожидал, подействовало на Сыра пацифически, если можно так сказать. Он не сделался добродушным, это было выше его возможностей, но подобрел, на-

сколько мог. Он даже почти улыбнулся.

– Отлично, – сказал он. – Превосходно.

– Рад доставить тебе удовольствие. Ну ладно. Пока.

– Совершенно непьющие, а? Да, это замечательно. Но смотри, не ешь жирного и острого и обязательно пораньше ложись спать. Что ты сказал?

– Я сказал: «Пока». Ты ведь, конечно, торопишься?

– Я никуда не тороплюсь. – Он посмотрел на часы. – Почему, черт возьми, женщины всегда опаздывают? – В его голосе послышалось раздражение. – Ей уже давно пора быть здесь. Я ей сто раз повторил, что дядя Джо особенно свирепеет, если его заставляют дожидаться супа.

Неожиданное вторжение женского мотива меня озадачило.

– Кто это «она»?

– Флоренс. Мы с ней должны встретиться у тебя. И поедем ужинать к моему дяде.

– Понял. Ну что ж. Значит, среди нас с минуты на минуту появится Флоренс? Великолепно, великолепно.

Я произнес эти слова с чувством, стараясь добавить в нашу беседу немного тепла. И сразу же пожалел об этом, потому что Сыр задергался, затрясся, как паркинсоник, и устремил на меня пронизывающий взгляд. Я понял, что мы вступили на опасную почву. И без того деликатная ситуация заметно осложнилась.

Одной из причин, затрудняющих поддержание между

мною и Дж. Д'Арси Чеддером безоблачно дружеских отношений, является то обстоятельство, что сравнительно недавно меня угораздило затесаться в его любовные дела. Однажды, разозлившись на какое-то его насмешливое замечание насчет современной просвещенной мысли, при том что к современной просвещенной мысли она питает самую страстную привязанность, его нареченная Флоренс моментально дала ему отставку и – совершенно не по моей вине, просто ей так захотелось – взяла и обручилась со мной. Из-за этого Сыр, человек вулканических страстей, во всеуслышание выразил намерение разорвать меня на куски и сплясать чечетку на моих останках. А также растереть мне рожу в гоголь-моголь и размазать в виде масла по всему Вест-Энду.

По счастью, до этой ужасной крайности дело не дошло, так как любовь успела вернуться к исполнению своих обязанностей, моя кандидатура была вычеркнута и опасность миновала, но Сыр так до конца и не изжил последствия этого тягостного переживания. Зеленоглазое чудовище постоянно обреталось у него под рукой, готовое по первому знаку включиться в работу, и я у него проходил под рубрикой «змеи подколодной, за которой нужен глаз да глаз».

Так что хоть мне и было немного не по себе, но меня не удивил ни его пронизывающий взгляд, ни сиплый рык, похожий на ворчание бенгальского тигра над телом поселянина, которым он намерен позавтракать.

– Что значит – великолепно? Тебе так не терпится с ней

увидеться?

Вижу, тут требуется действовать тактично.

– Не то что не терпится, – говорю. – Это слишком сильно сказано. Но мне хочется услышать ее мнение по поводу вот моих усов. Она девица со вкусом, и я готов подчиниться ее суду. Как раз перед твоим приходом Дживс подверг их сокрушительной критике, и я немного засомневался. А кстати, что ты думаешь о моих усах?

– Я считаю, что это уродство.

– Уродство?

– Безобразие. Ты похож с ними на хориста из бродячей труппы. Так Дживсу, ты говоришь, они не нравятся?

– Похоже, что нет.

– Значит, ты их сбреешь? Слава богу.

Я насторожился. Я решительно возражаю против распространенного в кругу моих знакомых мнения, будто я в моем доме играю подчиненную роль и вообще что Дживс скажет, то и делаю.

– Только через мой труп! Они останутся там, где растут. А Дживсу – фига, если позволительно так выразиться.

Сыр пожал плечами:

– Дело твое. Если ты не против служить всеобщим пугалом…

Я насторожился еще больше:

– Ты сказал – пугалом?

– Именно.

– Ах вот, значит, как? – парировал я, и, если бы на этом месте нас не прервали, возможно, что дальнейшее объяснение между нами приняло бы более острый оборот – ведь я все еще находился под действием волшебного напитка и не склонен был терпеть дерзости. Но не успел я сказать ему, что он тупица и осел, неспособный оценить красоту и своеобразие, даже если ему преподнести их на шампуре, как раздался звонок в дверь, и Дживс объявил о приходе Флоренс.

Глава 3

Мне сейчас пришло в голову, что, набрасывая, если помните, в самом начале этого повествования портрет Флоренс Крэй, я, кажется, допустил ошибку, и вы получили о ней не совсем верное представление.

Узнав, что она девица образованная, пишет романы и водит дружбу с высоколобыми обитателями Блумсбери, вы, наверно, представили себе ее в виде пухлой коротышки с чернильной кляксой на подбородке, как сейчас модно у интеллигенции женского пола.

Но это очень далеко от истины. Она девушка рослая, стройная, красивая, у нее потрясающий профиль и пышные платиново-белокурые волосы, с такой внешностью вполне можно было бы претендовать на место первой звезды в гареме какого-нибудь султана из высшего класса. Я знал крепких мужчин, которых с первого взгляда сражала ее красота, а заезжие американцы почти всегда провожают ее одобрительным свистом, стоит ей выйти из дому на прогулку.

Она жизнерадостно влетела в гостиную, вся разодетая в пух и прах, но Сыр при ее появлении холодно посмотрел на часы.

– Наконец-то, – произнес он хамским тоном. – Я вас давно жду. Очевидно, вы забыли, что с дядей Джо случается родимчик, если его заставят дожидаться супа.

Я ожидал, что сейчас ему достанется за этот тон, так как Флоренс, я знал, девица с норовом. Но она пропустила его упрек мимо ушей, и я увидел, что ее блестящие карие глаза направлены на меня, притом с каким-то странно восторженным выражением. Может быть, вам случалось видеть, как девочки подросткового возраста взирают в кинотеатре на Хамфри Богарта? Так вот, нечто подобное было в обращенном на меня взоре Флоренс. Ну, прямо картина «Душа пробуждается», если вы знаете, что я имею в виду.

– Берти! – взвизгнула она, затрепетав вся от бушприта до кормы. – Усы! Какая прелесть! Что же вы столько лет прятали их от нас? Это изумительно. Они придают вам шикарный вид. Совершенно другой человек.

На злосчастную растительность у меня под носом за последнее время было выплеснуто столько беспросветной хулы, что, казалось бы, эти девичьи восторги должны были бы согреть мне душу. Конечно, живешь, как говорится, ради искусства, а хвала и клевета публики – это дело десятое, и так далее, но все-таки приятно обзавестись одобрительным отзывом, который можно наклеить к себе в альбом, – вы согласны? Однако же я остался холоден, особенно в области пяток. Глаза мои сами собой скосились на Сыра – я хотел проверить, как он к этой хвале относится, и с тревогой убедился, что относится он довольно плохо.

Досада – вот слово, которое вертелось у меня на языке. Сыра явно разбирала досада, словно он за обедом в рестора-

не раскусил тухлую устрицу. И честно сказать, я его не виню. Когда любимая девушка у тебя на глазах ласково треплет по щеке другого мужчину, да еще пожирает его вытаращенными от восторга глазами, всякий жених от такого зрелища может взбелениться. А Сыр, как я уже говорил, даст фору любому Отелло.

Было ясно, что надо немедленно принимать меры, иначе разбушуются жуткие страсти, поэтому я поспешил перевести разговор на другую тему.

– Расскажи-ка мне, Сыр, подробнее про своего дядю, – попросил я. – Он, значит, любит супы? Неравнодушен к бульонам?

Но Сыр только фыркнул в ответ, как боров, недовольный своим рационом, и я еще раз сменил тему.

– А что слышно с вашей «Спинолой»? – обратился я к Флоренс. – По-прежнему идет нарасхват?

Тут я попал в точку. Флоренс просияла:

– Да, успех огромный. Готовят второе издание.

– Замечательно.

– А вы знаете, что ее переработали в пьесу?

– Вот как? Ах да. Слышал.

– Вы знакомы с Перси Горринджем?

Я поморщился. Поскольку в мои планы входило до наступления вечера нанести Перси жестокий удар решительным и безоговорочным отказом, я предпочел бы пока о нем не поминать. Я ответил, что имя вроде бы знакомое, возмож-

но, где-то в связи с чем-то я его слыхал.

– Это он сделал переработку. Получилось просто великолепно.

В этом месте Чеддер по прозвищу Сыр, у которого, по-видимому, аллергия на Горринджей, опять неприлично зарычал. У Сыра есть две привычки, которые я не терплю: во-первых, к месту и не к месту произносить «Хо!», а во-вторых, под наплывом чувств издавать горлом какой-то смачный хриплый звук, как будто бизон вытаскивает ногу из болотной трясины.

– У нас уже есть режиссер, который будет ее ставить, он собрал труппу и распределил роли, но возникло досадное затруднение.

– Неужели?

– Да. Один из спонсоров нас подвел, и теперь нам нужно раздобыть еще тысячу фунтов. Но все будет хорошо. Перси уверяет, что деньги он достанет.

И снова я поморщился, а Сыр зарычал. Сравнивать один рык с другим трудно, но мне показалось, что второй его рык был все же несколько оскорбительнее первого.

– Эта козявка? – произнес он. – Да ему не добыть и шестипенсовика.

Такие речи, разумеется, означают объявление войны. У Флоренс сверкнули глаза.

– Я не позволю вам называть Перси козявкой. Он очень привлекательный и умный.

– Кто это сказал?

– Я говорю.

– Хо! Привлекательный, а? Кого же он привлекает?

– Кого привлекает, не имеет значения.

– Назовите трех человек, которых он привлек. Да еще умный? У него хватит ума разве что разинуть рот при приеме пищи, но не более того. Безмозглая горгулья.

– Никакая он не горгулья.

– Самая настоящая горгулья. Вы что, можете, глядя мне в глаза, отрицать, что он носит короткие бачки?

– Почему бы ему не носить короткие бачки?

– Еще бы ему их не носить, если он козявка.

– Позвольте сказать вам, что…

– Да ладно, пошли, – оборвал ее Сыр и повлек к двери, на ходу напоминая о том, что дядя Джозеф не любит, когда его заставляют дожидаться супа.

Оставшийся в одиночестве, Берти Вустер погрузился в задумчивость, опустившись на стул и закурив сигарету. Горькая дума избороздила его чело. О чем была горькая дума и почему она избороздила чело, сейчас объясню. Дело в том, что услышанный обрывок диалога между обрученными произвел на меня крайне тягостное впечатление.

Любовь – нежное растение, оно нуждается в постоянной заботе и подкормке, что невозможно, если ты рычишь на обожаемый предмет и обзываешь ее приятелей козявками. У меня возникло опасение, что ось Чеддер – Флоренс может в

любой момент снова лопнуть, и кто поручится в этом случае, что последняя, вырвавшись на волю, не вздумает вторично объединиться со мной? Я хорошо помню, как было дело в прошлый раз, а, как говорится, обжегшийся на молоке куста боится.

Понимаете, беда Флоренс в том, что, будучи, бесспорно, как я уже упоминал, совсем недурна собой, и вообще с таким профилем ее вполне можно на стенку прикнопить, она в то же время, как я тоже отмечал выше, интеллектуальна до мозга костей, а от девиц такого типа простым смертным вроде меня лучше держаться на расстоянии пушечного выстрела.

Эти мозговитые серьезные барышни с так называемым сильным характером, им бы только дорваться до вашей души – они тут же пристраиваются сзади и давай толкать. Едва вытряхнут на скорую руку рис из прически по завершении брачной церемонии – и прямо в автомобиле, увозящем в свадебное путешествие, принимаются, закатав рукава, совершенствовать своего спутника жизни. А я лично если чего не выношу, так это когда меня совершенствуют. Несмотря на критику с разных сторон – например, со стороны тети Агаты, – мне самому Б. Вустер нравится такой, какой есть. Оставьте его в покое, говорю я. Не пытайтесь его переделать, а то улетучится весь аромат.

Даже когда мы были просто помолвлены, помню, эта особа вырвала у меня из рук недурной мистический триллер и

взамен потребовала, чтобы я прочел совершенно жуткое сочинение какого-то типа по фамилии Толстой. А что могло ждать меня после того, как священник сделает свое дело и она получит законное право «свести седину мою с горестью во гроб»[9], – и вообразить невозможно. Так что, когда еще немного погодя Бертрам Вустер надел шляпу и легкое пальто и отправился в «Савой» кормить Троттеров, сердце у него сжималось от дурного предчувствия.

Как я и думал, пиршество наше не подняло мне настроения. Тетя Далия не погрешила против истины, назвав моих сотрапезников несносными типами чистой воды. Л. Дж. Троттер оказался человечком с лицом хорька. Он на протяжении всего ужина не вымолвил практически ни слова, поскольку чуть только он пробовал что-нибудь сказать, как обожаемая его половина затыкала ему рот; а миссис Троттер предстала передо мной могучей бабищей с крючковатым носом, она, не умолкая, трещала весь вечер, главным образом про какую-то нехорошую женщину по фамилии Бленкинсоп.

И все, что можно было этому противопоставить, – это остаточное действие Дживсова бальзама. Я испытал огромное облегчение, когда Троттеры наконец со мной разлучились и я направился к «Трутням», чтобы спешно подкрепиться.

В клубе было пустовато – по обычаю, чуть ли не все сочлены после ужина ушли в мюзик-холл, и я оказался один в

[9] Библия. Первая книга Моисеева. Бытие, 44:29.

курительной комнате. Без преувеличений скажу, что не прошло и пяти минут, как я уже сидел в кресле с сигаретой в зубах и с полным стаканом на подлокотнике и наслаждался глубоким покоем. Натянутые нервы расслабли. Истерзанная душа отдыхала.

Разумеется, долго так продолжаться не могло. Затишья в битве жизни всегда мимолетны. Настал миг, когда у меня возникло зловещее ощущение, что я не один, и, оглянувшись, я оказался лицом к лицу с Дж. Д'Арси Чеддером.

Глава 4

Мне бы, должно быть, раньше надо было уточнить, что Чеддер по прозвищу Сыр с колыбели посвятил себя водному спорту. Он распоряжался командой гребцов в Итоне и четыре года сидел на веслах, когда уже был в Оксфорде. Он и теперь каждое лето в дни Хенлейнской регаты исчезает из Лондона и с упоением обливается потом, защищая спортивную честь гребного клуба «Леандр». Если судьба когда-нибудь забросит его в Нью-Йорк, я не сомневаюсь, что он там угрохает целое состояние, катаясь в лодке по пруду в Центральном парке, где берут по 25 центов с носа. Без весла в руке он не бывает почти никогда.

Ну и понятно, вести образ жизни галерного раба и не нарастить при этом бицепсы и трицепсы невозможно, так что в конце концов Сыр сделался настоящим чудо-богатырем – широкая грудь колесом, могучие плечи тверды как камень. Я помню, Дживс как-то упоминал одного своего знакомого, обладавшего силой десятерых. Вот и о Сыре можно так сказать. У него вид настоящего чемпиона по борьбе без правил.

При моих широких взглядах не приходится специально оговаривать, что люди бывают разные и всякие, до последнего времени я к его мясистости относился вполне терпимо и доброжелательно. Я считаю, хочешь быть мясистым – будь им, и помогай тебе бог. Но в данную минуту мне не нрави-

лось, что у него не только мускулатура выпирает во все стороны, но еще и взгляд устремлен на меня с самым зловещим выражением, словно он вышел тайно на тропу войны и рыщет, кого бы убить. Сыра что-то явно беспокоило, и не будет преувеличением сказать, что, заглянув ему в глаза, я как сидел в кресле, так прямо и съежился.

Очевидно, решил я, он разозлился из-за напитка, которым я восстанавливаю растраченные силы, и уже хотел было ему объяснить, что делаю это исключительно в целебных целях, по рекомендации одного видного медицинского светила с Харли-стрит, но тут он заговорил.

– Никак не могу принять окончательное решение, – проговорил он.

– Решение о чем, Сыр?

– Сломать ли тебе, к чертовой бабушке, шею или не сломать?

Я съежился еще немножко больше. Сидишь тут в пустой курительной комнате один на один с маньяком-убийцей. Психов, страдающих манией убийства, я особенно недолюбливаю, тем более таких, у которых обхват грудной клетки – сорок четыре дюйма[10] и бицепсы соответствующей толщины. Смотрю, у него еще и пальцы подергиваются – тоже дурной знак. «О, кто бы дал мне крылья, как у голубя!»[11] – эти слова в точности передают мои тогдашние чувства. На

[10] Примерно 110 см.

[11] Библия. Псалтырь. Псалом 54:7.

пальцы Сыра я старался не смотреть.

– Сломать мне, к чертовой бабушке, шею? – переспросил я, надеясь на разъяснение. – Но почему?

– А ты не знаешь?

– Понятия не имею.

– Хо!

На этом месте Сыр временно умолк, чтобы изгнать муху, которая по пути завернула к нам в окно и застряла у него в голосовых связках. Откашлявшись, он продолжил:

– Вустер!

– Я тут, старина.

– Вустер, – повторил Сыр, и если он не заскрежетал зубами, то я уж и не знаю, как ими скрежещут. – Что было у тебя на уме, когда ты отпускал усы? Зачем ты их отрастил?

– М-да, непростой вопрос. Бывает, вдруг накатывает на человека. – Я почесал подбородок. – Наверно, мне подумалось, что с усами будет веселее.

– А не было ли у тебя задней мысли? Не служат ли они частью твоего коварного плана похитить у меня Флоренс?

– Мой дорогой Сыр!

– На мой взгляд, все это довольно подозрительно. Ты знаешь, что произошло, когда мы вышли от дяди Джо?

– К сожалению, нет. Я в тех местах почти не бываю.

Сыр снова скрипнул зубами:

– Сейчас я тебе расскажу. Я отвез Флоренс в такси домой, и всю дорогу она восторгалась твоими усами. Противно было

слушать.

Я хотел было тут ввернуть, что, мол, девицы на то и девицы, чтобы постоянно чем-нибудь восторгаться, но потом раздумал.

– Когда мы доехали до ее подъезда, я расплатился с шофером, оборачиваюсь – а она смотрит на меня как-то по-особенному пристально, приглядывается то с одного боку, то с другого, то так, то этак.

– Тебе, конечно, было приятно?

– Замолчи и не перебивай.

– Пожалуйста. Я просто хотел сказать, что такое внимание лестно.

Он задумался. Что бы там между ними ни произошло, похоже, вспоминать об этом свидании ему было трудно.

– А потом… – проговорил было Сыр и снова смолк, борясь с волнением. – Потом, – повторил он, когда дар речи к нему вернулся, – она высказала желание, чтобы я тоже отпустил усы. Говорит – я воспроизвожу дословно, – что, мол, когда у мужчины лицо большое и красное и голова как тыква, небольшое затемнение на уровне верхней губы способно делать чудеса, нарушая монотонность. Как по-твоему, Вустер, у меня голова как тыква?

– Вовсе нет, старина.

– Не похожа на тыкву?

– Нет, на тыкву не похожа. Может быть, есть что-то от купола Святого Павла, это да.

– А вот она сравнила ее с тыквой и сказала, что если поместить посредине усы щеточкой, уличному движению и пешеходам от этого будет большое облегчение. Она помешалась. Я носил усы на последнем курсе в Оксфорде, и вид был ужасный. Почти как у тебя сейчас. Усы, каррамба! – буркнул Сыр, и я очень удивился. Вот уж не думал, что он знает такие слова. – «Да я бы для родного дедушки на смертном одре, – ответил я ей, – не стал бы отпускать усы, как он меня ни умоляй. С усами у меня был бы идиотский вид». А она мне на это: «У вас без усов идиотский вид». «Ах вот как?» – спрашиваю. А она мне: «Вот так». «Да?» – это я ей. «Да» – это она мне. Я тогда сказал: «Хо!» А она мне на это: «Сами вы хо!»

Если бы она еще сказала: «Хо с присыпкой», – получилось бы, конечно, сильнее, но должен признать, что ее пас на этом отрезке диалога произвел на меня впечатление. В нем, на мой взгляд, была и резкость, и сила удара. Девушки, должно быть, обучаются этому в выпускных классах. Да притом еще, не забудем, Флоренс последнее время вращалась в богемных кругах – в живописных мастерских Челси, в интеллигентских квартирах Блумсбери и тому подобных местах, а уж там умеют отбрить как нигде.

– Так что вот, – заключил Сыр Чеддер, немного помолчав, – слово за слово, пошли в ход резкие выражения, оглянуться не успели – а уже она отдает мне кольцо и заявляет, что будет рада при первой моей возможности получить на-

зад свои письма.

Я горестно поцокал языком. Но он раздраженным тоном попросил, чтобы я не цокал, и я перестал, объяснив, что цокал исключительно потому, что его трагический рассказ меня глубоко тронул.

– У меня сердце сжимается от сострадания, – сказал я.

– Ах, сжимается?

– Безмерно.

– Хо!

– Ты что, сомневаешься в моем сочувствии?

– Еще как сомневаюсь, черт подери. Я же тебе сказал, что обдумываю решение, и решить мне надо вот что: знал ты заранее, что произойдет? Предвидел своим дьявольски хитрым умом, как обернутся события, если ты отрастишь усы и покажешься в них Флоренс?

Я попробовал издать веселый смешок, но, знаете, эти веселые смешки, они не всегда получаются, когда тебе надо. Этот смешок даже на мой собственный слух больше походил на хрип.

– Ну что? Прав я? Такую мысль ты держал в своем дьявольски хитром уме?

– Вовсе нет. И кстати сказать, я не обладаю дьявольски хитрым умом.

– Зато Дживс обладает. Возможно, замысел принадлежит ему. Признайся, это Дживс подстроил мне ловушку?

– Мой милый! Дживс не строит ловушек. Он счел бы это

для себя непозволительной вольностью. И к тому же, как я тебе уже говорил, он возглавляет общественное движение против моих усов.

– М-м-м, пожалуй. Да, я склонен снять с него обвинение в соучастии. Улики говорят, что ты сам это придумал.

– Что еще за улики?

– Когда я сидел у тебя и сказал, что должна прийти Флоренс, случилась одна многозначительная вещь: ты просиял.

– Ничего я не сиял.

– Это уж извини. Я прекрасно разбираюсь, когда человек сияет, а когда нет. Твое лицо было для меня как открытая книга. «Настал ответственный момент, – говорил ты себе. – Сейчас она их увидит».

– Ничего подобного. Если я и просиял, в чем я очень сомневаюсь, то разве, может быть, из тех соображений, что, как только она появится, ты наконец уберешься.

– Ты хотел, чтобы я убрался?

– Да, хотел. Ты занимал место, которое мне было нужно для других целей.

Это был вполне убедительный ответ, я видел, что Сыр заколебался. Он провел по лбу своей мясистой лапой, искореженной гребным спортом.

– Это надо будет обдумать. Да-да, надо будет обдумать.

– Вот и отправляйся прямо сейчас и начинай обдумывать не откладывая, мой тебе совет.

– Так и сделаю. Буду думать, соблюдая полнейшее беспри-

страстие, взвешивая то и это. Но если мои подозрения окажутся справедливы, уж я знаю, как поступить.

С этими грозными словами Сыр удалился, оставив меня с довольно основательно поникшей головой. Когда тип с таким взрывчатым нравом, как Сыр Чеддер, заберет в башку, что ты ставишь на него ловушки, дело может кончиться любым побоищем и кровопролитием; но мало этого – у меня еще мурашки по коже бежали от сознания, что Флоренс опять рыщет на свободе. Я с тяжелым сердцем допил виски с содовой и поплелся домой. Внутренний голос шептал мне: «Да, брат Вустер, дела принимают опасный оборот».

Когда я вошел, Дживс разговаривал по телефону.

– Весьма сожалею, – отвечал он в трубку, и я обратил внимание на то, что говорит он учтиво, но твердо, совсем как я во время нашего с ним давешнего объяснения. – Нет-нет, прошу вас, дальнейшие объяснения бесполезны. Боюсь, что вам придется принять мой ответ как окончательный. Всего вам наилучшего.

Так как он не вставлял в свою речь на каждом третьем слове «сэр», я понял, что на проводе кто-то из его приятелей, хотя, судя по тону, не тот, у кого сила десятерых.

– Что это было, Дживс? – поинтересовался я. – Небольшая ссора между друзьями-соклубниками?

– Нет, сэр. Я разговаривал с мистером Перси Горринджем. Он позвонил незадолго до вашего прихода. А я притворился, что я – это вы, и уведомил его, что его просьба о тыся-

че фунтов невыполнима. Я надеялся этим избавить вас от неловкости личного отказа.

Признаюсь, я был тронут. После того как я одержал над ним верх в поединке воль, он вполне мог разобидеться и пренебречь своим долгом феодальной верности молодому хозяину. Но Дживс и я, хотя можем в чем-то не соглашаться, например по вопросу об усах, однако никогда не допустим, чтобы наше разногласие перешло границы.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, сэр.

– Удачно вышло, что вы успели вернуться домой и оказались в нужную минуту на посту. Приятно провели время в своем клубе?

– Вполне, сэр.

– А вот я в своем – не очень.

– Неужели, сэр?

– Встретил там Сыра Чеддера в дурном настроении. Расскажите мне, Дживс, как вы проводите время в «Ганимеде».

– Многие члены клуба, сэр, садятся честь по чести играть в бридж. Ведутся также весьма увлекательные разговоры. А если кому желательно позабавиться, всегда есть клубные книги.

– Клубные… А, ну да, я помню.

Вы, надеюсь, тоже помните, если вам довелось находиться поблизости, когда я излагал события в Тотли-Тауэрс, загородном доме сэра Уоткина Бассета, где мне удалось с по-

мощью этой клубной книги одолеть силы тьмы в лице Родерика Спода.

Согласно пункту одиннадцатому «Правил», если вы не забыли, члены клуба «Ганимед» обязаны записывать в особую книгу интимные сведения о своих работодателях. Так вот, из клубной книги стало известно, что Спод, самодеятельный диктатор-любитель и главарь банды черноштанников, которые ходили в широких черных трусах и орали «Хайль, Спод!», этот самый Спод, оказывается, кроме того, еще втихую шьет дамское исподнее белье на своей фирме под названием «Сестры Юлейлии». Вооруженный таким знанием, я, разумеется, без труда низвел его в разряд третьестепенной державы. Диктаторам неинтересно, чтобы о них распространялись подобные сведения.

Однако хотя в тот раз клубная книга и сослужила мне добрую службу, я вообще-то ее не одобряю. В моей жизни мало ли что случалось, и разве приятно сознавать, что всякие происшествия и эпизоды, которые я хотел бы похоронить в пучине забвения, теперь служат ежедневной забавой сборищу лакеев и дворецких?

– Вы не могли бы, Дживс, вырвать из вашей клубной книги материалы о Вустере?

– Боюсь, что нет, сэр.

– В них содержится много взрывчатого материала.

– Ваша правда, сэр.

– Что, если они станут достоянием гласности и дойдет до

тети Агаты?

– На этот счет вы можете не беспокоиться, сэр. Каждый член клуба полностью сознает, что строжайшее соблюдение тайны – это sine qua non.

– И все-таки мне бы спокойнее жилось, если бы этот лист…

– Эти одиннадцать листов, сэр.

– …если бы эти одиннадцать листов были преданы огню. – Тут меня вдруг осенила одна мысль. – А про Сыра Чеддера у вас в книге что-нибудь есть?

– Кое-что имеется, сэр.

– Дискредитирующее?

– В сущности, нет, сэр. Его личный лакей всего лишь сообщает, что у него привычка в волнении восклицать «Хо!», а также по утрам перед завтраком нагишом делать шведскую гимнастику.

Я вздохнул. Я вообще-то и не надеялся, но все-таки жаль. Я всегда считал – и, по-моему, справедливо, – что в затруднительном положении ничто так не помогает, как небольшая порция своевременного и меткого шантажа. Как славно было бы, например, явиться к Дж. Д'Арси Чеддеру и сказать: «Слушай, Сыр, мне известна твоя тайна», – и он бы тут же, у меня на глазах, сник. Но на какой успех можно рассчитывать, когда шантажируемая сторона только в том и виновата, что восклицает «Хо!» и скручивается в узел, прежде чем приступить к яичнице с беконом? Было очевидно, что мне

не добиться против Сыра того морального триумфа, какой я стяжал в борьбе с Родериком Сподом.

– Ну ладно, – смирился я. – Раз так, значит, так, верно?

– Судя по всему, да, сэр.

– Ничего не остается, кроме как держать выше голову и покрепче сжать зубы. Пожалуй, пойду лягу и прихвачу с собой душеспасительную книгу. Вы читали «Загадку красного рака», сочинение Рекса Уэста?

– Нет, сэр, не имел удовольствия. И прошу прощения, сэр, забыл сказать: незадолго перед вашим приходом звонила леди Флоренс Крэй. Ее милость велела передать, что будет рада, если вы ей позвоните. Сейчас я наберу ее номер, сэр.

Я удивился. В чем дело? Конечно, нет причины, почему бы ей не попросить, чтобы я ей позвонил. Но с другой стороны, зачем?

– Что ей надо, она не сказала?

– Нет, сэр.

– Странно, Дживс.

– Да, сэр… Одну минуту, миледи. Мистер Вустер у телефона.

Я взял у него трубку и сказал «Алло!».

– Берти?

– Он самый.

– Надеюсь, вы еще не легли спать?

– Нет-нет, что вы.

– Я так и думала. Берти, вы не окажете мне услугу? Я хочу,

чтобы вы повезли меня сегодня в ночной клуб.

– Куда?

– В какой-нибудь ночной клуб. В заведение низкого пошиба. Дешевое и малоприличное. Мне нужно для книги, которую я пишу. Чтобы передать атмосферу.

– О! А! – Я понял, о чем она. В атмосферах я разбираюсь. Жена Бинго Литтла, известная романистка Рози М. Бэнкс, на атмосферах собаку съела, мне сам Бинго говорил. Она часто посылает его в разные злачные места, чтобы он записал свои наблюдения, что там и как, а она потом это использует в качестве горючего для очередной главы. Судя по всему, если ты сочиняешь романы, надо подбирать правильную атмосферу, иначе читающая публика примется присылать ругательные письма, начинающиеся словами: «Дорогая мадам, известно ли вам, что?..» – Вы пишете про ночные клубы?

– Да. Я как раз остановилась на том месте, где мой герой приезжает в ночной клуб, но я в этих заведениях никогда не бывала, а только в респектабельных, которые посещают наши знакомые, но это совсем не то, нужно что-то более… как бы сказать…

– Что-нибудь побойчее?

– Да, побойчее.

– Вы хотите поехать сегодня?

– У меня нет выбора. Завтра я уезжаю в Бринкли.

– Погостить у тети Далии?

– Да. Ну так как, вы сможете?

– Вполне. Буду рад.

– Отлично. Меня должен был отвезти Д'Арси Чеддер, – добавила Флоренс, и я услышал в ее голосе нечто стальное и брезгливое, – но оказалось, что он занят. Вот мне и пришлось обратиться к вам.

Это можно было бы сказать и потактичнее, подумалось мне, но я не стал вдаваться.

– Договорились. Я заеду за вами в половине двенадцатого.

Вы удивлены? Вы говорите себе: «Но как же так? Что такое, Вустер?» – недоумевая, почему я ввязываюсь в ситуацию, от которой должен бы бежать как от огня? Но на это у меня есть готовый ответ.

Понимаете ли, мой быстрый ум моментально сообразил, что тут я, возможно, извлеку для себя некоторую выгоду. Накормлю ее, напою, глядишь, она и смягчится, и тогда, кто знает, не исключено, что мне удастся помирить ее с кисломолочным продуктом по фамилии Чеддер, с которым она до сих пор предполагала пойти к алтарю, а я таким образом отведу от себя угрозу, постоянно чернеющую на вустеровском горизонте, пока данная особа на свободе. Тут понадобится, я считал, только несколько сердечных слов от сочувствующего бывалого человека, а их в моем распоряжении сколько угодно.

– Дживс, – сказал я, – я опять ухожу. И значит, дочитывание «Загадки красного рака» придется отложить, но тут уж ничего не поделаешь. На самом-то деле я уже, кажется,

разгадал эту загадку. Или я очень глубоко заблуждаюсь, или же прихлопнул сэра Юстаса Уиллоуби, баронета, его дворецкий.

– Вот как, сэр?

– К такому выводу я пришел, перебрав улики. Все эти попытки бросить тень подозрения на священника меня не обманули ни на минуту. Позвоните-ка в «Пеструю устрицу» и закажите столик на мое имя, ладно?

– Не слишком близко к оркестру, сэр?

– Вот именно, Дживс, вы правы, как всегда. Не слишком близко к оркестру.

Глава 5

Уж не знаю почему, но в последнее время в ночные клубы меня не особенно тянет. Видно, старость, что ли, подкрадывается. Но я все-таки еще сохраняю членство в некоторых из них, включая «Пеструю устрицу», где я велел Дживсу заказать мне столик.

У этого заведения жизнь была неспокойная. Время от времени мне приходили от его владельцев вежливые уведомления о том, что они в очередной раз сменили название и адрес. Пережив облаву в качестве «Сырного духа», клуб стал называться «Замороженным лимитом», подвергся бандитскому налету, после чего бесстрашно поднял над входом знамя со странным девизом[12] «Удивленная креветка», а уж оттуда до «Пестрой устрицы» было, конечно, рукой подать. В дни моей пылкой юности я провел немало приятных вечеров в стенах этого заведения под разными вывесками, и мне подумалось, что, если оно хоть отчасти сохранило прежнюю форму, это как раз то, что нужно Флоренс. Мне оно запомнилось именно своей пестротой. Оттого, вероятно, оно так притягивало и бандитов, и полицейских.

В половине двенадцатого я заехал за Флоренс. Она вышла ко мне какая-то хмурая, губы поджаты, глаза устремлены в

---

[12] Про знамя со странным девизом говорится в стихотворении Генри Лонгфелло «Эксельсиор».

пространство и холодно поблескивают. Впрочем, так всегда бывает с людьми после бурной перебранки. Пока ехали в такси, моя дама безмолвствовала как гробница и все время постукивала ногой по полу автомобиля, из чего можно было заключить, что она думает про Сыра, с сердечной мукой или нет, я, конечно, не знаю, но думаю, что да. В «Пеструю устрицу», шествуя позади Флоренс, я вошел с оптимизмом. Похоже было, что удача обещает мне улыбнуться и я смогу смягчить Флоренс, если только буду внимателен в выборе слов и достучусь до лучшей стороны ее натуры.

Когда мы сели за столик и я огляделся, мне, признаться, подумалось, что для моих целей скорее подошло бы менее ослепительное освещение и обстановка задушевнее, если допустимо так сказать про обстановку, и даже, может быть, без такого сильного запаха копченой селедки, который стоял в помещении наподобие тумана. Но зато с эстрады, где сидели музыканты, какой-то насморочный субъект пел в микрофон нечто душещипательное, способное размягчить самое каменное сердце.

Удивительная вещь. Я знаю нескольких сочинителей душещипательных песен, это самые жизнерадостные люди из всех моих знакомых, улыбчивые, шутники, остроумцы и тому подобное. Но стоит им взять в руки перо и бумагу, и они сразу впадают в меланхолию. «Все мне грустно, все немило, ты мне сердце разбила» – в таком духе. Сегодняшний певец доносил через микрофон до всеобщего сведения, что он пла-

чет в подушку, так как его любимая завтра выходит замуж, и главное – не за него. Это ему сильно не нравилось. Внушало беспокойство. Вдвоем с микрофоном они выжали из этого события все, что только было возможно.

Кто-нибудь другой на моем месте, наверно, воспользовался бы этим нытьем и, не откладывая, тут же перешел к делу. Но я, со свойственной мне проницательностью, сообразил, что надо выждать, пока оно сработает. Поэтому, заказав копченую селедку и бутылку чего-то, что на поверку оказалось близким подобием крысиного яда, я завел разговор на более отвлеченную тему, а именно: как продвигается новый роман? Романисты, особенно женского пола, любят оповещать людей о своих достижениях.

Флоренс сообщила мне, что роман продвигается успешно, но не быстро, она вообще из тех, кто работает медленно и вдумчиво, между абзацами долго размышляет и не жалеет усилий в поисках подходящего слова, точно выражающего то, что требуется выразить. Как Флобер, пояснила она, и я сказал, что она на верном пути. Я тоже, говорю, пользовался таким методом, когда писал статью для «Будуара».

Я имел в виду журнал для тонко воспитанных читательниц – «Будуар элегантной дамы», принадлежащий моей любезной и любимой тете Далии. Она издает его уже четвертый год, к неудовольствию своего мужа, моего дяди Тома, вынужденного платить по счетам. И по ее заказу я как-то раз написал для этого журнала статью – или материал, как гово-

рим мы, журналисты, – на тему «Что носит хорошо одетый мужчина».

– Так вы, стало быть, завтра отбываете в Бринкли? – продолжал я разговор. – Вам там понравится. Свежий воздух, песчаные почвы, собственное водоснабжение, стряпня Анатоля и прочее.

– Да. И конечно, я буду счастлива познакомиться с Дафной Долорес Морхед.

Имя было мне не знакомо.

– Дафна Долорес Морхед?

– Романистка. Она там будет. Я в восхищении от ее книг. Да, кстати, она пишет сериал для «Будуара».

– Вот как? – Это меня заинтриговало. Всегда интересно узнать, над чем работают коллеги-писатели.

– Вашей тете это, должно быть, стало в немалую сумму. Дафна Долорес Морхед – писательница дорогая. Не помню точно, сколько она берет за тысячу слов, но что-то колоссальное.

– Выходит, тетин журнал процветает?

– Видимо, так.

Последнюю реплику Флоренс произнесла безразличным тоном, вдруг утратив всякий интерес к тетиному «Будуару». Не иначе как ее мысли вновь обратились к Сыру. Она скучливым взглядом обвела помещение. Посетителей в зале между тем прибавилось, на пространстве для танцев толкался простой народ обоего пола.

– Ну и публика! – сказала Флоренс. – Честно сказать, Берти, меня удивило, что вы посещаете такие места. Ночные клубы все наподобие этого?

Я прикинул:

– Есть похуже, есть получше. Этот, я бы сказал, средний ночной клуб. Шумновато, конечно, но вы ведь просили, чтобы заведение было побойчее.

– Я вовсе не жалуюсь. Я запишу кое-какие наблюдения. Как я себе представляю, здесь как раз такое место, куда отправился Ролло в ту ночь.

– Кто это Ролло?

– Ролло Биминстер. Герой романа.

– А, понимаю. Ну конечно. Вышел поразвлечься.

– Не поразвлечься, а он был вне себя. В отчаянии. Он лишился той, которую любил.

– Вот это да! А дальше что?

Я воодушевился. Что бы ни говорили про Бертрама Вустера, но, если мне подкинуть нужную реплику, я уж как-нибудь ее не упущу. Тут на меня можно положиться. Я откашлялся. Жареная рыба и бутылка были уже на столе. Я отправил в рот кусок рыбы и отпил содержимого бутылки. На вкус это было что-то вроде репейного масла.

– Вы меня жутко заинтересовали, – сказал я. – Он лишился, стало быть, той, которую любил?

– Она ему сказала, что не желает больше с ним ни видеться, ни разговаривать.

– Ну и ну. Тяжелое переживание. Бедняга.

– И он идет в этот злачный ночной клуб. Чтобы забыться.

– Держу пари, что это ему не удается.

– Нет, конечно. Он обводит взором весь здешний блеск и пестроту и понимает, что это все пустое. Я, пожалуй, использую для сцены в ночном клубе вон того официанта с водянистыми глазами и с фурункулом на носу, – пробормотала Флоренс, делая заметки на обороте меню.

Я плеснул себе еще глоток жидкости из бутылки, для храбрости, и набрал в грудь воздуху.

– Если он лишается той, которую любит, – тоном крупного знатока приступил я к делу, – или, обратно же, если она лишается того, кого любит, – это всегда ошибка. Не знаю, как считаете вы, но мне лично кажется, что глупо давать отставку герою своей мечты просто из-за какой-то пустячной размолвки. Поцелуйтесь, и мир, мир навсегда – вот мое мнение. Я видел сегодня вечером Чеддера в клубе «Трутни», – продолжал я, переходя на личности.

Флоренс гордо выпрямилась и сдержанно отправила в рот кусочек рыбы. А когда груз прошел в трюм и она смогла опять говорить, то холодным, металлическим голосом коротко переспросила:

– Да?

– Он был в ужасном состоянии.

– Да?

– В отчаянии. Как безумный. Обводил взглядом клубную

курилку, и чувствовалось, что она кажется ему безлюдной пустыней.

– Да?

Наверно, если бы сейчас кто-нибудь подошел и спросил бы у меня: «Как идет дело, Вустер? Успешно?» – я бы ответил отрицательно: «Что-то не похоже, Уилкинсон – или Бэнкс, или Смит, или Нэчбулл-Хьюгессен, или как там его, – так бы я сказал. – Впечатление такое, что ни тпру ни ну». Однако я не отступался.

– Да, он был вне себя. Казалось, еще немного, и он соберется и махнет в Скалистые горы стрелять медведей гризли. Ужасная мысль.

– Ужасная для тех, кому жаль медведей?

– Нет, я имел в виду тех, кому жаль Чеддера.

– Я к их числу не принадлежу.

– Вот как? Ну а если бы он поступил в Иностранный легион?

– Я бы это одобрила.

– Разве приятно вам было бы думать, что он сейчас бредет по раскаленным пескам, и ни одной пивной в поле зрения, только берберы, или как их там, стреляют в него из-за каждого угла?

– Да, приятно. Если бы я увидела, что какой-нибудь берберер целится в Д'Арси Чеддера, я бы со своей стороны взяла подержать его шляпу и пожелала ему удачного выстрела.

И снова у меня возникло ощущение, что дело застряло на

мертвой точке. Выражение лица у Флоренс было такое холодное, как рыба у меня на тарелке (я за этими разговорами совсем про нее забыл).

Мне стало понятно, каково приходилось тем ребятам из Библии, которые тщетно пытались зачаровать глухого аспида. Всех подробностей не припомню, хотя в школе я один раз даже получил награду как знаток Священного Писания, знаю только, что они из кожи вон лезли, чтобы зачаровать этого аспида, взмокли от пота, а результат – ноль. С глухими аспидами, насколько я понимаю, почти всегда так.

– Вы знаете Хораса Пендлбери-Дейвенпорта? – задал я вопрос после затянувшейся паузы, когда мы оба молча ковыряли каждый свою рыбину.

– Того, что женился на Валери Туислтон?

– Того самого. Он бывший наш клубный чемпион по «Летучим дротикам».

– Да, мы знакомы. А он еще тут при чем?

– При том, что он воплощает мораль и служит венцом басни. Пока они ходили помолвленные, у них с Валери произошла ссора примерно такого же калибра, что и у вас с Сыром, и они чуть было не расстались навеки.

Флоренс бросила на меня ледовитый взгляд:

– Обязательно надо упоминать мистера Чеддера?

– Я рассматриваю его как главную тему в сегодняшней повестке дня.

– А я – нет. И я, пожалуй, поеду домой.

– Нет-нет, погодите. Я должен рассказать вам про Хораса и Валери. Они поссорились, как я уже сказал, и чуть было не расстались навсегда, но их помирила одна женщина, которая, по словам Хораса, кажется, разводила коккер-спаниелей. Она рассказала им свою трогательную историю, и эта история растопила их сердца. Когда-то она любила некоего субъекта, но повздорила с ним из-за сущего пустяка, а он развернулся кругом и уплыл в Федеративные Штаты Малайи, где женился на вдове плантатора-каучуковода. С тех пор каждый год она получала простой букет белых фиалок и с ним записку: «А ведь могло бы быть…» Вы же не хотите, чтобы и у вас с Сыром получилось так?

– Очень даже хочу.

– И вам ничуть не больно думать, что, может быть, в эту самую минуту он ходит по пароходствам и наводит справки насчет отплытия в Малайю?

– Сейчас ночь, и все пароходства закрыты.

– Ну завтра, с утра пораньше.

Она положила нож и вилку и как-то странно на меня посмотрела.

– Берти, вы удивительный человек, – проговорила она.

– То есть в каком смысле удивительный?

– Наговорили тут столько чепухи, чтобы помирить меня с Д'Арси. Я, конечно, восхищаюсь вами за это. Я нахожу, что вы ведете себя благородно. Впрочем, все знают, что мозгов у вас как у болотной курочки, но зато вы – сама доброта и

щедрость.

Я оказался в затруднительном положении, поскольку ни одной болотной курочки лично не знал и поэтому не мог судить о том, сколько у нее мозгов, но по тону Флоренс можно было понять, что маловато, и я уже собрался было спросить, а кто такие эти знающие все, на которых она ссылается, когда она продолжила свои рассуждения:

– Вы ведь сами хотите на мне жениться, верно?

Мне пришлось опять отхлебнуть здешнего вина, прежде чем я смог ответить. Это был трудный вопрос.

– Ну да, а как же, – заверил я ее, чтобы она не обиделась. – Кто не захочет.

– И тем не менее вы…

Договорить она не успела, потому что в эту минуту внезапно, как это всегда происходит, началась облава. Джаз-банд замолчал на полуслове. Стало тихо. Словно из-под половиц, повыскакивали какие-то молодцы с квадратными челюстями, и один из них, судя по всему главный распоряжающийся, голосом зычным, как сирена в тумане, велел всем оставаться на местах. Я еще, помнится, подумал, как они все точно подгадали: ровно к тому моменту, когда наш разговор принял неприятный оборот и уже грозил серьезной неловкостью. Мне доводилось слышать о лондонской полиции дурные отзывы – как, например, от Китекэта Поттера-Перебрайта и остальных наутро после лодочных состязаний между Оксфордом и Кембриджем, – но человек непредубежденный

не может не признать, что в отдельных случаях полиция выказывает чудеса такта.

Я, разумеется, не испугался. В такие передряги я попадал уже неоднократно и заранее знал, что будет дальше. Поэтому, видя, что моя дама переполошилась, я поспешил развеять ее опасения:

– Волноваться совершенно не о чем. Не надо «рыдать, лия потоки слез и в грудь себя бия»[13], как говорит Дживс. Все нормально.

– Они нас не арестуют?

Я снисходительно улыбнулся. Уж эти мне новички.

– Глупости. Нет ни малейшей опасности.

– Откуда вы знаете?

– Мне все это давно и хорошо знакомо. Коротко говоря, сейчас произойдет следующее. Нас всех сгонят в кучу, и мы в простых фургонах мирно отправимся в полицейский участок. А там в приемной выстроимся в очередь, и каждый назовет свои имя, фамилию и адрес, допуская при этом в мелочах некоторые отклонения от истины. Я, например, обычно называю себя Эфраимом Гэдсби, проживающим по адресу: Стрэтхем-Коммонз, Джубили-роуд, «Настурции». Почему именно так, сам не знаю, такая фантазия в голову пришла. А вы, если послушаете моего совета, назовитесь Матильдой Ботт, дом триста шестьдесят пять по Черчилль-авеню, Ист-Далидж. По завершении этих формальностей нас отпустят

[13] *Джон Мильтон*. Самсон-борец.

по домам, а хозяин этого заведения останется один перед лицом его величества Закона.

Но Флоренс мои слова не успокоили. Я вижу, ей ну никак не сидится на месте. Вопреки предписаниям человека-сирены она вскакивает со стула, будто пронзенная снизу спицей, и говорит:

– А по-моему, будет все не так.

– Так, так, если только они не завели новые порядки.

– По-моему, потащат в суд.

– Да нет же.

– Я лично не намерена рисковать. Всего наилучшего!

И, сорвавшись с места, Флоренс бросилась к служебной двери, находившейся неподалеку от нашего столика. Ближайший констебль взлаял, как гончий пес, и рванул вдогонку.

Разумен ли был мой следующий поступок? Этого я для себя по сию пору не решил. То мне кажется, что да, ведь рыцарь Байярд[14] на моем месте поступил бы так же; а то – все-таки нет. А произошло, говоря вкратце, вот что.

Когда жандарм пробегал мимо меня, я выставил ногу, и он на полном скаку ласточкой спикировал на пол. Флоренс улизнула, а страж закона, разобравшись, где у него ноги, а где руки, поднялся с пола и уведомил меня, что я арестован. А так как при этом он одной рукой держал меня за шиворот,

---

[14] Пьер Террай сеньор де Байярд (1473–1524) – знаменитый в Западной Европе «рыцарь без страха и упрека», герой многих преданий и баллад.

а другой – сзади за штаны, сомневаться в правоте этого честного малого у меня не было оснований.

Глава 6

Ночь я провел «в узилище зловонном»[15], как сказал поэт, и наутро, чуть свет, был доставлен в полицейский суд на Винтон-стрит, где мне предъявили обвинение в «нападении на служителя закона и в воспрепятствовании исполнению им служебного долга» – выражение, на мой взгляд, емкое и по существу. Я был жутко голоден и небрит.

С мировым судьей этого района я прежде не встречался, как правило, я пользовался услугами его конкурента в районном суде на Бошер-стрит. Но Барми Фодеринг-Фиппс, познакомившийся с ним как-то в новогоднюю ночь, предупреждал, что с ним лучше дела не иметь, и теперь я в этом лично убедился. Мне даже подумалось, пока я слушал из уст пострадавшего фараона сагу о моем прегрешении, что Барми, обозвавший этого законника непробиваемым болваном с отдельными наиболее отталкивающими чертами испанского инквизитора высших степеней, скорее недооценил его в этом качестве, чем переоценил.

Вид старого негодяя мне сразу не понравился. Он дышал ядом. Выражение его лица, если это можно назвать лицом, по ходу повествования становилось все мрачнее и беспощаднее. Он то и дело бросал на меня сквозь пенсне свирепые взоры, и даже самый подслеповатый зритель не мог бы не

[15] *Роберт Бернс*. Письмо Эзопа к Марии.

заметить, что все его симпатии – на стороне полицейского, а на роль мальчика для побоев выдвинут задержанный Гэдсби. Мне становилось все яснее, что задержанный Гэдсби сейчас получит по первое число и хорошо если не угодит на остров Дьявола[16].

Тем не менее, когда полицейский договорил свое «J'accuse»[17] и меня спросили, желаю ли я что-нибудь сказать, я приложил старания. Да, признал я, в тот вечер, о котором речь, я действительно вытянул ногу, в результате чего констебль полетел вверх тормашками, но сделано это было случайно, без задней мысли. Просто у меня затекла нога от долгого сидения за столиком, и захотелось расслабить мышцы.

– Знаете, как иной раз бывает, хочется размяться, – пояснил я.

– Думаю, вы у меня получите возможность поразмяться вдоволь, притом в течение длительного времени, – посулил судья.

Сразу угадав в этом шутку, я от всей души расхохотался, желая показать, что с чувством юмора у меня все в порядке. Пристав из глубины зала сразу рявкнул: «Тишина в зале!» И напрасно я пытался втолковать ему, что меня рассмешило остроумие его чести, он только опять на меня зашикал. А тут

---

[16] Скалистый остров у берегов Французской Гвианы, куда до 1953 г. отправляли преступников на каторгу.

[17] «Я обвиняю» (*фр.*) – слова-рефрен из знаменитой статьи Э. Золя в защиту Дрейфуса в связи с судебным процессом 1894–1906 гг.

и его честь еще раз всплыл на поверхность.

– Однако, – пробурчал он, поправляя пенсне на носу, – учитывая вашу молодость, я склонен проявить снисхождение.

– Вот и роскошно! – обрадовался я.

– Роскошно не роскошно, а штраф десять фунтов. Следующий!

Я заплатил мой долг перед обществом и двинул домой.

Когда я возвратился под родимый кров, Дживс был занят домашними делами, отрабатывая свое еженедельное жалованье. Он скосил на меня вопрошающий глаз, и мне стало ясно, что ему от меня причитаются объяснения. Его наверняка удивило, что спальня пуста и постель не смята.

– Небольшие трения со служителями закона, Дживс, – сообщил я ему. – Что-то вроде того, как «Юджин Арам в наручниках шел, / И два стража шли по бокам»[18].

– Вот как, сэр? Весьма неприятно.

– Мне это совсем не понравилось, а вот судья, с которым я сегодня утром обсуждал этот случай, получил уйму удовольствия. Я привнес луч света в его сумрачную жизнь. Вы знали, что полицейские судьи – великолепные комики?

– Нет, сэр. Этот факт мне неизвестен.

– Представьте себе некое подобие Граучо Маркса – и попадете в самую точку. Шпарил шутку за шуткой, и все на мой счет. А я выступал в роли Простодушного, и мне это совсем

[18] *Томас Гуд*. Сон Юджина Арама.

не доставляло удовольствия, тем более не дали завтрака, вернее, ничего такого, что сознательный гурман согласился бы признать завтраком. Вы когда-нибудь проводили ночь в застенке, Дживс?

– Нет, сэр. В этом отношении мне повезло.

– Там у человека разыгрывается такой аппетит! Так что поспешите на подмогу, если вы не против, и беритесь скорее за сковородку. Яйца в доме есть, надеюсь?

– Есть, сэр.

– Мне понадобится с полсотни и, пожалуй, такое же количество фунтов бекона. И тосты. Четырех батонов, я думаю, хватит, но будьте наготове подать еще, если понадобится. Да, и кофе – скажем, шестнадцать кофейничков.

– Очень хорошо, сэр.

– А вы после этого, конечно, поспешите к «Ганимеду», – не без горечи заметил я, – чтобы записать мои злоключения в вашу клубную книгу?

– Боюсь, сэр, у меня нет выбора. Я должен. Правило номер одиннадцать чрезвычайно строгое.

– Что ж, должны так должны. Я совсем не хочу, чтобы вас выволокли в середину каре с дворецкими по сторонам и срезали у вас пуговицы с пиджака. Кстати, о клубной книге. Вы уверены, что в ней нет ничего на букву «Ч» про Чеддера?

– Ничего, кроме того, что внесено мною вчера, сэр.

– Н-да, от этого проку мало, – вздохнул я. – Не скрою от вас, Дживс, что Сыр Чеддер представляет теперь для меня

серьезную опасность.

– Неужели, сэр?

– Я надеялся, что, может быть, у вас там найдется что-нибудь такое, чем можно было бы заклепать его орудия. Но конечно, раз нет, значит, нет. Ладно, несите сюда мой завтрак, да поживее.

Минувшей ночью я почти не спал на дощатом ложе, какие гестапо на Винтон-стрит предоставляет для удобства своих клиентов, поэтому, насытившись, я завалился в постель. Мне, как Ролло Биминстеру, хотелось все забыть. И было уже сильно за полдень, когда телефонный звонок вырвал меня из объятий глубокого сна. Чувствуя себя неплохо освежившимся, я нырнул в халат и подошел к аппарату.

Это оказалась Флоренс.

– Берти? – пискнула она.

– Как? Вы же собирались сегодня в Бринкли.

– Сейчас отправляюсь. Я позвонила узнать, что с вами было вчера после моего ухода?

Я рассмеялся горьким смехом.

– Приятного мало, – ответил я. – Меня загребла полиция.

– Но вы же говорили, они не арестуют.

– Вообще нет. Но арестовали.

– А сейчас вы в порядке?

– Заметно осунулся.

– Не понимаю. Почему вас арестовали?

– Длинная история. Вкратце говоря, я понял, что вы ре-

шили покинуть помещение, смотрю, за вами следом во всю прыть несется фараон, я выставил ногу, он споткнулся, ну и утратил к преследованию всякий интерес.

– Господи милосердный!

– Мне подумалось, что так будет правильно, потому что еще мгновение – и он ухватил бы вас сзади за брюки. Он, конечно, этого не стерпел, и в итоге я провел ночь в тюремной камере, а утром имел малоприятный разговор с мировым судьей в полицейском участке на Винтон-стрит. Впрочем, сейчас я уже почти совсем отдышался.

– О, Берти!

Она, похоже, растрогалась и дрогнувшим голосом сказала мне спасибо, а я ответил, что не стоит благодарности. Тут она вдруг охнула, как будто получила кулаком под дых на уровне третьей жилетной пуговицы. И переспросила:

– Винтон-стрит, вы сказали?

– Да.

– Ах боже мой! Вы знаете, кто там судья?

– Затрудняюсь вам сказать. Мы не обменялись визитными карточками. На суде мы звали его запросто – «ваша честь».

– Это дядя Д'Арси Чеддера!

Я чуть не чертыхнулся от изумления:

– Ей-богу?

– Ей-богу.

– Тот, что любит суп?

– Тот самый. Можете себе представить, что было бы, если

бы вчера вечером я у него обедала, а сегодня утром предстала бы перед ним, задержанная полицией!

– Да, неловко. Не найдешься, что сказать.

– Д'Арси бы мне этого не простил.

– Не понял.

– Он бы расторг помолвку.

– То есть как?

– Что – как?

– Как бы он расторг помолку – она ведь уже расторгнута?

Флоренс засмеялась, как говорится, нежным серебристым смехом:

– О нет. Сегодня утром он позвонил, взял назад все, что было сказано, и получил мое прощение. С сегодняшнего дня он отпускает усы.

У меня – гора с плеч.

– Замечательно! – говорю.

Тут она завздыхала «О, Берти!», «Ах, Берти!», я спросил, о чем она, и она объяснила, что вздыхает, поскольку я так рыцарствен и щедр.

– Мало кто еще из мужчин, испытывая ко мне такие чувства, был бы способен вести себя так.

– Да ну, пустяки, – говорю я.

– Я страшно тронута.

– Забудьте. Так, значит, у вас с ним опять мир и любовь?

– Да. Смотрите не проговоритесь ему, что я была вчера с вами в ночном клубе.

– Конечно-конечно. Ни полслова.

– Д'Арси ужасно ревнив.

– Мне это известно. Он ничего не узнает.

– Уж пожалуйста. Даже если бы он только проведал, что я сейчас разговариваю с вами по телефону, с ним и то случилась бы истерика.

Я хотел было снисходительно рассмеяться в ответ и возразить, что это, как выражается Дживс, сугубо маловероятно – откуда бы Сыру узнать, что мы тут чешем языки, – как вдруг я краем глаза заметил у себя в поле зрения некий крупный предмет. Я слегка повернул голову и убедился, что этот кр. пр. на самом деле – могучая фигура Д'Арси Чеддера собственной персоной. Я не услышал дверного звонка и не видел, как он вошел, но это, несомненно, был он – опять явился моему взору, точно проживающее по здешнему адресу привидение.

Глава 7

Тут требовалось соображать молниеносно. Нельзя же допустить, чтобы к вам приходили и прямо в гостиной закатывали истерики. Да и вряд ли, выяснив, кто у меня на том конце провода, Сыр ограничится только истерикой.

– Конечно, Китекэт, – внятно произнес я в трубку. – Разумеется, Китекэт. Я понимаю, Китекэт. Но сейчас я должен попрощаться, Китекэт, так как ко мне зашел наш общий друг Чеддер. Пока, Китекэт. – Я повесил трубку и обернулся к Сыру. – Говорил с Китекэтом, – пояснил я ему.

Сыр на это ничего не сказал, а продолжал стоять и мрачно взирать на меня. Теперь, зная о кровном родстве Сыра с судьей на Винтон-стрит, я увидел меж ними явное фамильное сходство. У племянника, как и у дяди, была манера щуриться и смотреть на человека из-под нависших бровей. Разница была лишь в том, что дядюшка пронзал вас взором сквозь стекла пенсне, а племянничек действовал невооруженным глазом.

Сначала я подумал, что неудовольствие моего гостя вызвано моим костюмом: я принимал его в халате и пижаме, а в три часа дня такое одеяние может натолкнуть на определенные мысли. Но нет, оказалось, что на повестке дня вопрос посерьезнее.

– Вустер, – произнес Сыр голосом гулким, как шум Кор-

нуоллского железнодорожного экспресса в туннеле, – где ты был минувшей ночью?

К этому вопросу, признаюсь, я был совсем не готов. Я даже покачнулся. Но тут же напомнил себе, что против меня нет никаких улик, и снова воспрянул духом.

– А-а, Сыр! – воскликнул я приветливо. – Заходи, заходи. Ах, ты уже зашел? Ну, тогда присаживайся и расскажи, что новенького. Прекрасная погода, не правда ли? Многие не любят июль в Лондоне, но мне лично нравится. На мой вкус, в это время года тут что-то такое есть эдакое.

Но он был, похоже, как раз из тех, которые июль в Лондоне не одобряют, судя по тому, что рассуждать на эту тему не пожелал и только фыркнул, по своему обыкновению.

– Где ты был минувшей ночью, черт бы тебя побрал? – повторил он, и я заметил, что лицо у него багровое, щеки подергиваются и глаза, подобно звездам, вот-вот покинут свои орбиты.

Я сделал попытку изобразить равнодушие и спокойствие:

– Минувшей ночью? Дай припомнить. Это будет ночь на двадцать второе июля, верно? Гм. Кхе. Ночь на…

Он два раза сглотнул.

– Вижу, ты подзабыл. Позволь освежить твою память. Ты был в ночном притоне вместе с моей невестой Флоренс Крэй.

– Кто, я?

– Да, ты. А сегодня утром ты предстал перед полицейским судьей в участке на Винтон-стрит.

– Ты уверен, что говоришь обо мне?

– Вполне уверен. Информация получена от моего дяди, тамошнего судьи. Он у меня сегодня обедал и, уходя, заметил на стене твое фото.

– Я и не знал, что у тебя на стене висит мой фотопортрет. Очень тронут.

Но он продолжал кипятиться.

– Фото групповое, – буркнул Сыр, – и ты оказался на нем среди прочих. Дядя Джо присмотрелся, засопел и спрашивает: «Ты знаешь этого молодого человека?» Я объяснил, что мы принадлежим к одному клубу, поэтому поневоле иногда пересекаемся, только и всего. Хотел еще добавить, что по собственному желанию я бы к тебе десятифутовым шестом не притронулся, но он, все так же сопя, поспешил выразить радость от того, что я не состою с тобой в дружбе, поскольку такой человек не годится в друзья его племяннику. Он сказал, что утром ты был доставлен к нему в суд по обвинению в нападении на полицейского, задержавший тебя полицейский показал, что ты подставил ему ножку в ночном клубе во время его погони за платиновой блондинкой.

Я оскорбленно поджал губы. Вернее, я хотел оскорбленно поджать губы, но у меня не получилось.

– Ах вот оно что. Лично я не стал бы так уж доверять показаниям полицейского, который проводит время, гоняясь за платиновыми блондинками в ночных клубах. А что до твоего дяди, рассказывающего небылицы, будто бы меня доста-

вили к нему на суд, то известно, что представляют собой эти полицейские судьи. Низшая форма прудовой жизни. Когда у парня не хватает ума и предприимчивости, чтобы продавать заливных угрей, его определяют судьей в полицейском участке.

– По-твоему, при рассмотрении группового фото его обмануло некоторое сходство?

Я отмахнулся:

– Не обязательно некоторое. В Лондоне полно людей, смахивающих на меня очень сильно. У меня самый распространенный тип наружности. Мне рассказывали про одного субъекта, некоего Эфраима Гэдсби, из тех Гэдсби, что проживают на Стрэтхем-Коммонз, так он просто вылитый я. Данный факт я, конечно, приму во внимание, когда буду подавать в суд на этого твоего родственничка за клевету и диффамацию, и не исключено даже, что пожалею его и решу все-таки смягчить справедливость милосердием. Но ты бы лучше предостерег старого дурака, чтобы впредь был осторожнее и не давал воли языку. Всякому терпению есть предел.

Сыр секунд на сорок пять погрузился в задумчивость.

– Платиновая блондинка, – произнес он по истечении паузы. – Полицейский показал, что у нее были очень светлые волосы.

– Эффектная, должно быть.

– Я нахожу чрезвычайно существенным то, что Флоренс как раз платиновая блондинка.

– Не вижу почему. Среди девушек платиновых блондинок сотни. Мой дорогой Сыр, спроси себя, возможно ли, чтобы Флоренс оказалась посетительницей жалкого ночного клуба вроде этого… как ты сказал, он называется?

– Я не говорил. Но вроде бы он называется «Пестрая устрица».

– А, ну да. Слышал о таком. Как я понимаю, малоприличное заведение. Невозможно поверить, чтобы Флоренс посещала подобные притоны. Такая утонченная, интеллектуальная девица? Нет и нет.

Сыр призадумался. Кажется, его пробрало.

– Вчера она просила, чтобы я сводил ее в ночной клуб, – проговорил он, припоминая. – Какие-то ей нужны материалы для новой книги.

– Но ты, конечно, отказался?

– Вообще-то нет. Я сказал, что согласен. Но потом между нами возникли… э-э-э… разногласия, и это отпало.

– А она, разумеется, вернулась домой и легла спать. Как иначе могла поступить милая, невинная английская барышня? Неужели ты хоть на миг мог предположить, что она без тебя отправилась в какое-нибудь злачное местечко? Тем более в притон, где, ты сам говорил, постоянно снуют полчища полицейских, гоняясь за платиновыми блондинками, да и не то еще может происходить под покровом ночи. Нет, Сыр, выкинь из головы такие мысли, они, позволь тебе заметить, тебя не достойны… А вот и Дживс, – обрадовался я, увидев,

что безупречный слуга неслышными шагами вошел в гостиную со старым добрым подносом в руках. – Что вы нам принесли, Дживс? Ваше особое освежительное?

– Да, сэр. Я подумал, что мистер Чеддер будет, возможно, рад освежиться.

– Мистер Чеддер как раз созрел для стаканчика. Я сам к тебе не присоединюсь, Сыр, ты же знаешь, турнир по «Летучим дротикам» на носу, я сейчас соблюдаю более или менее строгий режим. Но ты непременно должен отведать Дживсов сказочный бальзам. У тебя были переживания… волнения… беспокойства, а он приведет тебя в норму. Да, кстати, Дживс.

– Сэр?

– Вы не помните, какую душеполезную книгу я собирался вчера вечером почитать на сон грядущий, когда вернулся домой из клуба после разговора с мистером Чеддером?

– Разумеется, помню, сэр.

– Это была «Загадка красного рака», не правда ли?

– Совершенно верно, сэр.

– Кажется, я еще сказал, что мне не терпится поскорее к ней вернуться?

– Насколько я помню, сэр, это ваши точные слова. Вы сказали, что считаете минуты, когда наконец ляжете в постель и раскроете названное сочинение.

– Благодарю вас, Дживс.

– Не стоит благодарности, сэр.

Он выплыл вон, а я широко раскинул перед Сыром руки, как бы говоря «Voila».

– Слыхал? Если и теперь я не чист как стеклышко, то уж и не знаю, как что. Но позволь, я налью тебе магического бальзама, испытаешь его уникальную живительную силу.

Что удивительно в Дживсовых эликсирах (многими уже отмечено), это то, что они пробуждают в человеке спящего тигра и они же действуют в обратную сторону: то есть, если тигр в человеке не спит, а, наоборот, бодрствует вовсю, они его умиротворяют. Врываешься в дом, как дикий лев, опрокидываешь стопку и уходишь ягненок ягненком. Необъяснимо. Но факт.

Так случилось и с Сыром Чеддером. Пока не выпил, он пыхтел, рычал и был в любую минуту готов к предательству, интригам, грабежам, как где-то кто-то сказал[19], и тут же, прямо у меня на глазах, стал добрее и лучше.

На середине первой рюмки он уже миролюбиво признал, что был ко мне несправедлив. Я, может быть, и величайший из ослов, когда-либо сумевших улизнуть от эмиссаров психбольницы, ищущих новые таланты, сказал он, но ясно, что вчера в «Пеструю устрицу» я Флоренс не водил. И мое счастье, что не водил, добавил он, а то, в противном случае, он бы сломал мне хребет на три части. Словом, вполне дружеский, сердечный разговор.

– Возвращаясь к началу нашего разговора, – сменил я те-

[19] *Уильям Шекспир*. Венецианский купец. Акт V, сцена 1.

му после того, как мы с ним сошлись во мнении, что его дядя Джозеф глуп и слеп на оба глаза, надо бы ему обратиться к хорошему окулисту, – я заметил, что, говоря о Флоренс, ты назвал ее «моя невеста». Значит, с тех пор как мы виделись прошлый раз, над вами пролетел голубь мира? Можно считать вашу расторгнутую помолвку восстановленной?

Он кивнул:

– Да. Я пошел на ряд уступок по некоторым пунктам. – Он как бы невзначай коснулся пальцем своей верхней губы, и по лицу его пробежала тень муки. – Сегодня утром состоялось примирение.

– Отлично!

– Ты что, рад?

– Конечно.

– Хо!

– В каком смысле «Хо!»?

Он пристально посмотрел на меня:

– Вустер, ладно тебе прикидываться. Ты же знаешь, ты сам в нее влюблен.

– Глупости.

– Глупости? Как бы не так. Меня не проведешь, и не надейся. Ты боготворишь ее, и я по-прежнему склонен думать, что эта твоя затея с усами имела на самом деле цель переманить ее у меня. Одно могу сказать: если я когда-нибудь увижу, что ты увиваешься вокруг Флоренс и пытаешься ее у меня увести, я разломаю тебе хребет на четыре части.

– На три, ты говорил.

– Нет, на четыре. Впрочем, рад сообщить, что ближайшее время она будет для тебя вне пределов досягаемости. Сегодня она уезжает в Вустершир в гости к твоей тетке миссис Трэверс.

Поразительно, как одно неосторожное слово может посадить человека в глубокую калошу. Я чуть было не промолвил: «Да, она мне говорила», – что имело бы, понятно, катастрофические последствия. Но в последнюю минуту я все же сумел вместо этого пробормотать:

– Вот как? Она едет в Бринкли? И ты тоже?

– Я приеду следом через несколько дней.

– С нею ты, значит, не поедешь?

– Подумай сам. Неужели я соглашусь явиться на люди, пока эти чертовы усы, на которых она настаивает, не приняли мало-мальски пристойный вид? Буду сидеть в четырех стенах и дожидаться, чтобы эта мерзкая растительность немного разрослась. Пока, Вустер. Ты не забудешь, что я тебе говорил насчет твоего спинного хребта?

Я заверил его, что буду помнить, он допил свой эликсир и удалился.

Глава 8

Несколько следующих дней я был в пике своей формы, кипел энергией и очаровывал всех и каждого бодрыми улыбками и остроумными замечаниями.

В этот благодатный период, если слово «благодатный» здесь подходит, я, можно сказать, ожил, как цветок после поливки.

С моих плеч свалился колоссальный груз. Только те, кто испытал на себе, каково это, когда отдыхаешь в курительной комнате, а из воздуха то и дело упрямо материализуется Дж. Д'Арси Чеддер, подкрадывается сзади и дышит тебе в затылок, – только те, кто испытал эту муку, способны до конца оценить облегчение, испытываемое от того, что можно спокойно развалиться в кресле и заказать порцию подкрепляющего, совершенно не опасаясь, что вот-вот опять появится этот выдающийся бич божий. Я чувствовал себя приблизительно так же, как девочка Мэри, если бы, оглянувшись, не обнаружила у себя за спиной неизменного барашка.

Но тут, как раз когда я говорил себе: «Вот это жизнь!» – посыпались телеграммы.

Первая настигла меня дома после завтрака, когда я раскуривал первую утреннюю сигарету, и мне стало не по себе, словно передо мной лежит и тикает адская машина. Телеграммы в моей жизни слишком часто служили провозвест-

никами, или знамениями, или как там еще это называется, назревающей катастрофы, я не жду от них ничего хорошего и всегда готов к тому, что вот сейчас из конверта что-то выпрыгнет и цапнет меня за ногу. С телеграммы, например, если помните, начался трагический эпизод с сэром Уоткином Бассетом, Родериком Сподом и серебряным молочником в виде коровы, который я, посланный тетей Далией, выкрал в Тотли-Тауэрсе из коллекции сэра Уоткина.

Не приходится удивляться поэтому, что теперь я с подозрением разглядывал прибывшую телеграмму, спрашивая себя, не наступит ли сейчас опять очередное землетрясение.

Но как бы то ни было, телеграмма пришла и лежала передо мной, и, взвесив все «за» и «против», я пришел к выводу, что мне ничего другого не остается, как вскрыть ее.

Так я и сделал. Телеграмма оказалась отправлена из Бринкли-кум-Снодсфилд-ин-де-Марш и подписана «Трэверс», из чего с очевидностью следовало, что она – дело рук либо моей тети Далии, либо ее мужа Томаса П. Трэверса, пожилого симпатичного господина, за которого она со второй попытки вышла замуж несколько лет назад. А поскольку текст начинался со слов «Берти, чудовище» – я сразу узнал руку тетушки. У них в семье так несдержанна в выражениях только женская половина, а дядя Том, как правило, называет меня «мой мальчик».

Содержание телеграммы было следующее:

«Берти, чудовище, требуется твое скорейшее

прибытие. Брось все и приезжай сюда, с тем чтобы остаться подольше. Совершенно необходимо взбодрить субъекта с бачками. Целую. Трэверс».

Я до полудня ломал голову над этим посланием и, идя обедать в клуб «Трутни», отбил по дороге ответ, точнее – краткий запрос:

«С бачками или бочками? Целую. Вустер».

По возвращении домой я нашел вторую телеграмму от нее:

«С бачками, осел. У субъекта короткие, но четко выраженные бакенбарды. Целую. Трэверс».

Удивительная вещь – память. Как часто она оказывается не способна поразить желаемую цель! Где-то у меня в мозгу шевелилось смутное воспоминание, что где-то от кого-то я слышал о чьих-то коротких бакенбардах, но в какой связи, я ну никак не мог вспомнить. И тогда, следуя старому доброму правилу обращаться за информацией к первоисточнику, я вышел из дома и отправил такую телеграмму:

«О каком субъекте с короткими бачками речь и почему его требуется взбадривать? Телеграфируйте все подробности, так как в настоящий момент недоумеваю, озадачен и не могу взять в толк. Целую. Вустер».

Тетя ответила со свойственным ей размахом и пылом, из-за которых многие в их кругу держатся за шляпы, когда она

пускается во все тяжкие:

«Слушай, ты, позорище. Ты что это, хочешь разорить меня на телеграммах? По-твоему, я сделана из денег? Какое тебе дело, кто таков этот субъект с бачками и почему его требуется взбадривать? Просто приезжай немедленно, как тебе сказано, да смотри не тяни с этим. И кстати, съезди в ювелирную мастерскую «Эспиналь» на Бонд-стрит и возьми у них мое жемчужное ожерелье. Усвоил? Бонд-стрит, «Эспиналь», жемчужное ожерелье. Жду тебя завтра. Целую. Трэверс».

Слегка ошарашенный, но не спустивший флага, я ответил следующим образом:

«Вполне уразумел эспинально-бонд-стритовскую жемчужно-ожерельную сторону, но вы упускаете из виду, что приехать в Бринкли мне в настоящий момент не так-то просто, как вы, похоже, воображаете. Имеются разные трудности и т. п. Сложные взаимозависимые обстоятельства, если вы меня понимаете. Требуется глубокий анализ. Тщательно все взвешу и сообщу решение. Целую. Вустер».

Видите ли, Бринкли-Корт мне, конечно, как дом родной и заслуживает пяти звездочек по путеводителю Бедеккера как местопроживание месье Анатоля, французского повара моей тети, так что в обычных условиях, получив от нее приглашение, я лечу туда со всех ног. Однако в данном случае я сразу сообразил, что для моего приезда в дом тети сейчас

имеются серьезные препятствия. Не приходится объяснять, что я имею в виду тот факт, что там гостит Флоренс и в скором времени ожидается Сыр Чеддер.

Из-за этого-то я и колебался. Кто может ручаться, что последний, обнаружив в доме меня, не решит, что я приехал по следам первой, как юный Лохинвар, прибывший из западных стран?[20] А стоит такой мысли мелькнуть у него в мозгу – и к чему, спрашивается, это приведет? Его прощальные слова про мой позвоночник все еще кровоточили у меня в памяти. Я знал его как человека, зря словами не бросающегося, если он говорит, что разломает мне хребет на четыре части, можно быть уверенным, что ровно на четыре части он и будет переломан.

Я провел вечер в волнении и беспокойстве. Будучи не в настроении пировать у «Трутней», я рано вернулся домой и только было взялся за свою «Загадку красного рака», как зазвонил телефон. Нервная система у меня была в таком расстройстве, что я подпрыгнул чуть не к потолку. Из последних сил доковыляв до телефона, я снял трубку.

Голос, долетевший до меня по проводам, принадлежал тете Далии.

Я сказал «долетевший», но, вероятно, правильнее было бы употребить слово «прогудевший». Недаром в девичестве и в молодые замужние годы моя тетка при любой погоде вме-

---

[20] Зачин поэмы Вальтера Скотта «Мармион».

сте с товарищами из «Куорна» и «Пайчли»[21] скакала по лугам и оврагам, беспокоя британских лис, – с тех пор у нее остались кирпично-красный цвет лица и небывалая мощь голосовых связок. Сам я никогда за лисами не гонялся, но кто этим занимается, вынужден, как мне говорили, постоянно орать во всю глотку, перекрикивая встречный ветер на дальние расстояния, и это становится привычкой. Если у тети Далии есть недостаток, то это манера, разговаривая в небольшой гостиной, кричать вам в лицо так, будто вы – старый закадычный друг, скачущий с собачьей сворой по дальнему краю поля. А в остальном это добрая, веселая, крупная женщина, сложением напоминающая Мэй Уэст[22] и любимая всеми, включая нижеподписавшегося. Наши с нею отношения всегда были дружественными до мозга костей.

– Алло, алло, алло! – прогудела она на свой неискоренимый охотничий манер. – Это ты, Берти, голубок?

Я подтвердил.

– В таком случае, что это за разговоры про какие-то затруднения и обстоятельства, свинья ты гадаринская?[23]

---

[21] «Куорн» и «Пайчли» – два из многих английских охотничьих клубов.

[22] Мэй Уэст (1893–1980) – американская киноактриса и сценаристка, обладавшая довольно пышными формами.

[23] Сюжет со свиньями в Гадарине описан в Евангелии от Луки, 8:26–40.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.